

СЕНТЯБРЬ

1 сентября 1917 г. Сердоболь

Докладная записка Н. К. Рериха — Педагогическому Совету школы ОПХ

Товарищи, нам нужно рассмотреть вопросы большого значения.

В собрании Комитета 8 мая с. г. Казначей Общества указал на то, что новая расходная смета Школы достигла небывалой цифры в 100 908 рублей при доходе в 91 208 рублей. При этом, не считая всего предоставленного Обществом помещения, отопления и освещения (что составляет не менее 80 000 рублей), оказывается, что многие статьи доходов находятся под сомнением. Между тем, цифры расходов легко могут возрасти и опрокинуть целесообразность сметы. Положение очень угрожающее. В силу этих непреодолимых обстоятельств Казначей Общества просил принять все меры к тому, чтобы расходы по Школе сократились. С данными сведущего лица нельзя не согласиться. Надо принять все меры к тому, чтобы пережить ближайшее время, не разрушая устойчивости Общества (учреждения частной инициативы), что прежде всего может быть губительно для Школы. И я, который всегда первый говорил о завоеваниях и расширениях Школы, сейчас, убедившись в грозном материальном положении учреждения, говорю о мерах особой предусмотрительности из желания защитить вообще существование нашей Школы.

Кроме правительственных субсидий, о расширении которых нельзя и думать, у меня были основательные предположения о частных пожертвованиях или о помощи города. Но мы знаем, что хозяйство города без всяких средств, а с повышением ставок подоходного налога отложены все переговоры о частных жертвах. И с грустью осматривал я в Финляндии прекрасные здания Сердобольского уездного Училища и Семинарии. Наше численно и внутренне крупное учреждение обставлено бесконечно бедно сравнительно с этими провинциальными Школами.

Неустанно изыскивая способы улучшения положения, надо найти внутренние силы пережить время устроения земли.

Мне очень больно, что мои давние мечты о свободных художественных мастерских опять встречают препятствия. Но я верю, что полезность и своевременность дела выведут нас на новый путь и найдём мы и средства, чтобы завершить идейное строение нашего дела. Верю, верю, надо верить.

Если трудно сохранить размеры расходных статей сметы, То ещё труднее сократить существующее. Хотя я считаю необходимым культурное воздействие предположенных лекций по истории искусства, но думаю, что эти лекции надо отложить. Вместо 200 рублей на пополнение диапозитивов назначить лишь половину и отменить обсуждение эскизов, сократив 180 рублей из суммы музея. Этим сохранится 900 рублей. Больших сокращений я не предвижу. Товарищи, не вспомните ли ещё что-нибудь, что можно отложить временно?

Чтобы ещё несколько улучшить стеснённое положение, в заседании комитета 9 Августа я пожертвовал весь мой гонорар по текущей смете и предложил Комитету следующее:

1. Переименовать инспекцию Школы заведующими Школой и Мастерскими (что вполне соответствует традициям Школы) и присвоить Н. П. Химоне, как представителю заведующих, наименование старшего заведующего Школой с сосредоточением на нём наблюдения за текущею учебною жизнью.
2. Ввиду многочисленности Педагогического Совета и трудности, при несовершенстве путей сообщения, его частого созыва, избрать из числа Совета Комиссию из 7 лиц для обсуждения текущих вопросов, причём всё решённое Комиссией вводится к жизнь лишь временно до созыва ближайшего Совета, где решение Комиссии и обсуждается.

Комитет Общества принял мои предложения, которые я вношу теперь на обсуждение Совета, причём предоставил мне права попечителя Школы. Таким образом, в ведении Директора-Попечителя находится общее руководство художественным направлением Школы, Председательствование в Совете, доклад Комитету и сношения с приглашаемыми преподавателями, с должностными лицами и учреждениями. Наблюдение же за текущею учебною жизнью, дела учащихся, классов, мастерских и канцелярии подлежат ведению старшего заведующего Школою. В случае отсутствия попечитель может временно поручить свои обязанности Старшему Заведующему.

Вследствие моего пожертвования и числа часов присутствия Н. П. Химоны, мы имеем 75 рублей в месяц экономии. Эта сумма могла бы иметь три назначения:

1) Экономия на случай непополнения приходной сметы; 2) Прибавление часов натуры в классах, указанных в записке учащихся при журнале 7 Мая. 3) Частично осуществить одну мастерскую, преобразовав её из одного 7-го класса школы. Предлагаю обсудить указанное теперь же или передать это в комиссию, которую мы выберём. Поясню о предположенной мастерской. Прежнее число классов равнялось 6, седьмой класс установлен недавно. Нельзя ли приступить к мысли о мастерских, добавив число часов работы в этом классе и поручив её одному руководителю, временно, с его неполным посещением. Называю неполным прежнее помещение класса — для мастерской недостаточное. Вообще мечтая и стремясь к свободным художественным мастерским, представляется, что в будущем, сохранив рисовальные и специальные классы, нужные для мастерских прикладного искусства, — можно обратить ещё некоторые классы в ряд отдельных мастерских. Такое положение может расширить понятие школы и ответить современным заданиям искусства. Считаю это предложение очень существенным и предлагаю поручить Комиссии теперь же всесторонне разработать этот проект и доложить соображения Совету.

В остальной нашей жизни существенным является установление вместо классов мужских и женских двух совместных групп занятий, что было уже применено прошлою весною в этюдном классе и очень желательно, так как все прочие классы, мастерские и лекции всегда были совместными.

Музей Русского Искусства при Школе в течение года пополнился рядом произведений художников: Багганц, Фёдор Васильев, Гонзаго, Заурвейд, Лебедев, Владимир Маковский, Константин Маковский, Поленова, Пурвит, Сомов, Стеллецкий, Чемберс, Шапошников, Шишкин, Яремич, принесённых в дар Музею искренними друзьями искусства.

Сгоревшее при пожаре Окружного Суда дело о наследстве С. П. Крачковского временно задержало это крупное поступление. В течение года по моему предложению на всех произведениях прикреплены номера и точные наименования. Музей, ценный не только содержанием, но расширяющий само понятие нашей школы, должен неустанно расти.

Чрезвычайно затруднено производство красок «Изограф». Стоимость труда и материалов делает краски дороже привозных красок английского производства. По качеству краски хороши, но несколько жидки и не имеют плотно кроющей силы. Предлагаю просить комитет о соответственном изменении этикета производства. Товарищи, нет ли ещё соображений о качествах этих красок?

Из прикладных мастерских за отсутствием материала нельзя осуществить мастерскую цветного стекла и чеканную.

Тяжело произносить всё, что относится до сокращения дела. По счастью наш учебный организм так велик, что эти сокращения мало заметны. Надо особенно вдумчиво пережить время, пока материальная жизнь учреждения и всей страны укрепитя.

Мы должны напрячь все силы и в единении с учащимися сберечь нашу свободную народную школу искусства. Ведь наша школа — самая старая, свободная и народная, уже прожила 78 лет.

Конечно, могут найтись враждебные делу, безответственные лица, которые будут усложнять положение Школы. Мне известно, что ещё прошлой весной обращались слухи относительно Школы, не соответствующие действительности. Передавались известия злонамеренно, не стесняясь неправдою. Но мы должны сейчас ответить словами Лассаля: «в нашем щите много вражеских стрел». Будет ли в нём одною стрелой больше или меньше, это не важно, лишь бы сохранить нашу, свободную, школу искусства. Щит не заржавеет. Являясь неотъемлемой частью народной жизни, пусть мы грозно стеснены материально, но зато никто не скажет, что мы умерли духовно. Верим в великое значение искусства для народа.

Какие бы трудности нас ни ожидали, будем твёрдо помнить, что идея народного просвещения всегда должна быть в человечестве самой нерушимой, самой любимой, самой близкой понятию подвига.

Н. Рерих

1 Сент. 1917 г.

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 7-8 об. Машинопись, подпись и число — автограф Н. К. Рериха

1 сентября 1917 г. Петроград.

Открытое письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К.

Финляндия. Сердоболь.

Семинария, Г-ну Реляндер, (для передачи академику Н.К. Рериху).

1/ IX.

Дорогой Николай Константинович.

Вчера послал Вам открытку.

Дел у нас всяких бесконечно много: дело постоянной выставки не устроено, нужно новое лицо для заведывания продажей, т.к. Ольга Дм[итриевна] и после постановления Комитета отказывается и удержать её невозможно; дело с аукционами тоже не налажено; Вице-Председателя нет; Ст[епан] Петр[ович] в Киеве. Во всяком случае, спешить особенно нет надобности – поправляйтесь. Повторяю, что проезд через Белоостров с документами беспрепятственный.

Ваш Ив. Степанов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. На штемпеле дата: Петроград. 01.09.1917. / Сердоболь. 17.09.1917 г. Стоит штамп военного цензора: 16.09.1917.

3 сентября 1917 г. Петроград.

Открытое письмо В. А. Щавинского к Рериху Н.К.

Сердоболь. Семинариум Реляндер.

Николаю Констант. Рериху.

3/сен.

Дорогой Николай Константинович.

Несомненно, издали всё кажется страшнее. Правда, что и у нас нервы перестали воспринимать, и нам стало «всё равно». Приезжайте, надо приняться за

обсуждение наших дел. На днях я собираюсь уехать в Киев. Жаль, если разъедемся.

Ваш В. Щавинский

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде неразборчив, в Сердоболе 01.10.1917.

**4 сентября 1917 г. Сердоболь.
Открытое письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М.**

Петроград. Морская, 38.
Общ. Поощр. Худож.
Его Превосходительству
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой Иван Михайлович, получил Ваши письма – встревожился положением дел Общества. Приеду в Пятницу вечером. Прошу, соберите Совет Школы (мой брат посылает повестки) спешно на понедельник одиннадцатого Сентября и Комитет на вторник двенадцатого – мой доклад на повестке. Надо решить все дела и установить распорядок. Всё это очень важно. До свидания. Искренно ваш

Н. Рерих

4 Сент. 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 873, И.М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 5-5 об. На штемпеле дата: Сердоболь, 18.09.1917.
Публикуется по изд.: Н.К. Рерих 1917-1919. Материалы к биографии. СПб. 2008.

**[5 сентября 1917 г.] Сердоболь.
Телеграмма Н.К. Рериха к Степанову И.М.**

Петроград.
Морская 38.
Общество Поощрения,
секретарю Общества Степанову.

Обеспокоен положением дел. Приеду пятницу вечером. Сообщите брату. Прошу, соберите спешно совет школы [в] понедельник одиннадцатого, комитет вторник двенадцатого — [на] повестке мой доклад.

Рерих

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1120, л. 13. Телеграмма из Сердоболя на бланке.

11 сентября 1917 г.
Заявление Н.К. Рериха в Комитет ВОПХ

В КОМИТЕТ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ.

По болезни отъезжая в Финляндию, прошу разрешить мне отпуск как члену Комитета и извещаю, что обязанности Директора-Попечителя Школы, согласно вновь утверждённого временного положения, мною переданы Н.П. Химоне - старшему заведующему Школой.

11 Сентября 1917 г. Петроград.

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 10.

16 сентября 1917 г. Петроград.
Письмо И.М. Степанов к Рериху Н.К.

Финляндия.
Сердоболь. Sortavala. Kummela д. Genitz, Академику Н. К. Рериху.

Дорогой Николай Константинович,

В день Вашего приезда, вероятно, придётся собрать заседание Комитета, а потому не откажите черкнуть заранее о дне заседания, а мне приятно будет иметь от Вас ещё письмо, которые я блюду с особой тщательностью.

В прошедшем письме к Вам я по рассеянности допустил грамматическую ошибку, а переписывать не было времени.

Искренно с Вами

Ив. Степанов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде 16.09.1917, в Сердоболе 01.10.1917.

Н.К. Рерих. Грозное облако. 1917.

**17 сентября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н.К. Рериха к Яремичу С.П.**

Дорогой Степан Петрович, я совсем расклеился, и, видимо, затянулась долгая волынка. Конечно, Комитет может дать мне отпуск, ведь многим преподавателям всегда давали отпуска, а я за 19 лет всего один раз пользовался отпуском. Самочувствие очень плохое, и паршивая маленькая температура. Конечно, плохие нервы всё это усиливают и затягивают. Радуюсь нашему последнему разговору - он даёт надежды, потому что путь нищенства, попрошайничества и злобы - нам не нужен, нужно найти путь собственный, пусть сокращённый, но зато прочно стоящий на своих ногах - на собственных средствах. И, конечно, это путь мастерских, при эксплуатации помещений в доме Общества. Прочти письмо Ив[ану] Мих[айловичу]. Может быть, Комитет поручит мне разработать проект таких мастерских. Во время периода выздоровления я занялся бы этим проектом, который должен сохранить свободную Школу и вернуть Общество на прочный путь. Зачем мы будем бедствовать, когда впереди может быть радостная творческая работа, при горизонтах более широких, нежели прежние. Вместо того, чтобы задыхаться в отчаянии, нам надо искать новые пути. Прежние пути перегружены, значит, нужно найти новые, столь же полезные, но более устойчивые. Раз нет возможностей новых зданий и продаж прежних, - значит, надо построить соответствующую жизнь в прежних пределах. Конечно, я - неисправимый строитель, часто непростительный оптимист и верящий в Россию. Может быть, найдёшь, что строительство сейчас вообще невозможно, что надо и в близком будущем ещё сберечь энергию, свернувшись клубочком. Тогда подождём.

Теперь между днями - лежат бездны. Неужели Германский флот ещё изменит все наши планы и возможности? Неужели разруха ещё более затемнит культурную жизнь? Неужели радости духа будут истреблены голодом? Неужели?..

Настроения в Финляндии тоже нехороши. Идёт смута... Трудное время! Сохрани Тебя Господь! Напиши. Привет Ал[ександру] Ник[олаевичу], Ив[ану] Мих[айловичу].

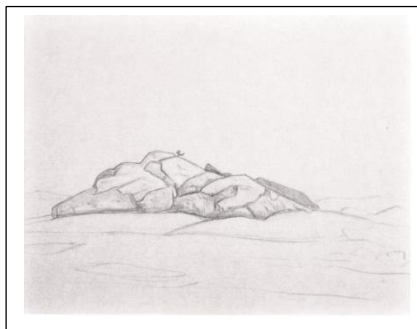
Сердечно Твой

Н. Р.

17 Сентября 1917. Сердоболь.

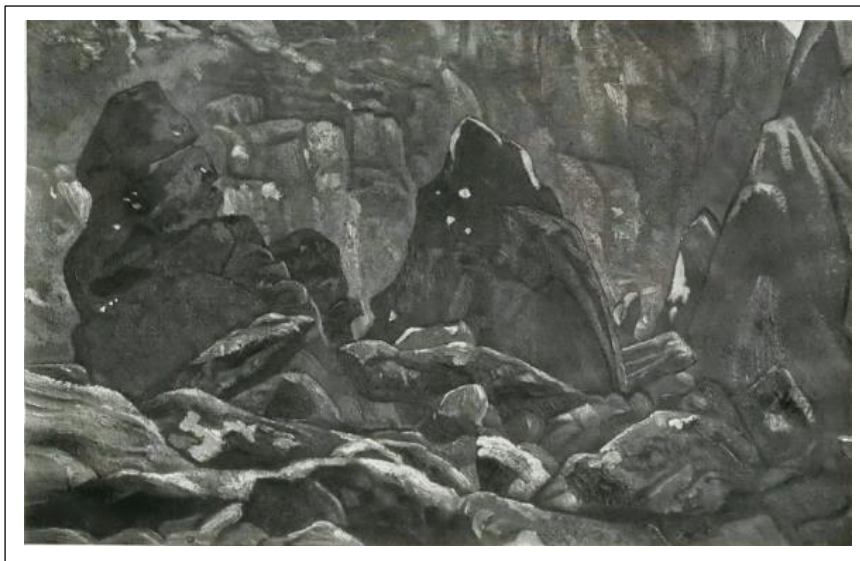
Посмотри у меня в зелёной комнате портрет. Кто это?

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 20-21об. Автограф письма.

Н.К. Рерих. Эскиз. 1917.

19 сентября 1917 г. Сердоболь.

Н.К. Рерих. Конец великанов. 1917.

ПРОРОЧЕСТВО

Устрашитесь, когда Бога назовут не нужным.
Бойтесь время, когда речь людей
наполнится бессмысленными словами.
Бойтесь, страшитесь, когда кладами
захоронят люди свои богатства.
Бойтесь то время, когда люди сочтут
сохранными сокровища только
на теле своём. Бойтесь, когда для зла
соберутся толпы. Когда забудут
о знании. И с радостью разрушат
созданное раньше. И легко исполнят
угрозы и поношения. Бойтесь время,
когда не на чем будет записать
знания ваши. Когда листы писаний
станут непрочными, а слова злыми.
Камень воздвигнется тогда. И храм
каменный сохранит скрижали и
пророчество.

19.IX. 17

20 сентября 1917 г. Петроград.

Письмо И.М. Степанов к Рериху Н.К.

№ 190.

20 Сент. 1917.

Директору-Попечителю Школы Общества Н. К. Рериху.

Препровождая при сём отношении Учебного Отдела Министерства Торгов-
ли и Промышленности от 12 Июля с. г. за № 1166 с приложениями, Комитет

согласно постановления [*слово неразборчиво*] 11 сего Сентября покорнейше просит Вас, М[илостивый] Г[осударь], не отказать сообщить заключение Педагогического Совета по возбуждённому Учебным Отделом вопросу.

Секретарь

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448., оп. 1, д. 1750-а, л. 11.

20 сентября / 2 октября 1917 г.

Письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М.

2 октября н/с 1917.

Сердоболь.

Дорогой Иван Михайлович,

Спешу Вам ответить. Болезнь моя настолько осложняется, что приехать в близком будущем я не могу и полагаю, что имею полное право на отпуск, которым все преподаватели по болезни всегда пользовались. Прошу Комитет собраться, не ожидая меня, теперь же.

Я совершенно против закрытия Школы. Прошрое постановление я понимал как временное сокращение занятий, вызванное исключительными условиями времени и денежным положением Общества. Если это положение позволит открыть Школу, после лета, в полном размере, в составе классов и мастерских, это доставит мне большую радость. Так как состояние сметы должно быть Комитетом вновь обсуждаемо, то очень прошу ещё раз рассмотреть вопрос положения наших преподавателей. Наша Школа — единственная, которая за всё время войны не могла ничем придти на помощь поистине убийственному положению наших интеллигентных работников. Наши гонорары в 50-100 рублей при вздорожании путей сообщения представляются скорее разъездными деньгами, и если мы прежде могли апеллировать к благотворительности и пожертвованию труда и знаний, то теперь для безумно обострившихся для всего интеллигентного труда условиях просьба о пожертвовании становится невозможной. Прошу этот вопрос обследовать.

Всегда готов письменно поделиться с Комитетом моими сведениями и прошу ещё раз сообщить Комитету, что я, безусловно, против закрытия Школы и соглашался лишь на сокращённые занятия в типе свободных мастерских, расширяемых при первой возможности. Не могу выразить, насколько моя болезнь разбивает все мои планы и отрывает от моих любимых дел. Прошу передать мой привет членам Комитета.

Искренно преданный Вам

Н. Рерих

Центральный государственный исторический архив СПб. Ф. 448., оп. 1, д. 1750-а, л. 18, 20.

21 сентября / 3 октября н/с 1917 г. Сердоболь

Письмо Н. К. Рериха к Руманову А. В.

Дорогой Аркадий Вениаминович,
хочется побеседовать с Вами. У Вас, верно, много решений - хороших и жизненных. Вы говорите о строительном настроении. Но, что строить, не вижу, не знаю. Могу писать картины, но что с ними делать, как с ними поступать - не

ведаю. Предлагают продать собрание картин — моих друзей. Нужно ли на это решиться - и что дадут взамен картин? Тоже не знаешь, как быть.

Поступать, как поступает половина Россиян, т. е. проедать маленькие сбережения, выворачивать наизнанку старые запасы и платья без всяких надежд и перспектив, в чаянии на скорый конец вообще всего? Ведь это не строительство и уж очень мрачно это. И вот я, живший всегда будущим, попадаю в сегодняшний день, в порцию муки и крупы, без всяких мечтаний.

Вижу, что дело Школы разваливается без средств и при глупости учащихся. Значит, скоро и квартиру будем искать. И вдруг все данные, все сведения и знания оказываются неприменимы.

Ещё весною мы были в положении «отклоняющих предложения», а теперь где всё это? Может быть, зря и в Министерство Торговли не пошёл. Конечно, теперь, именно больной, я чувствую, как никогда, близость моего искусства, его ценность для меня. И вспоминаю, что Билибин только что говорил мне, что с удовольствием взялся за обложку, т. е. за то, что решил недавно более не делать.

Столько серьёзного, жизненного нахлынуло. Ведь скоро об искусстве только говорить будут, а применять не будут. Может быть, всё это плохое настроение больного, но, меняя рубли на марки и получая за 250 р. мешок муки, — делается страшно. Ведь эти масштабы ни с чем не соизмеримы. Ведь приходы те же, а расходы в 6-7 раз больше. Расчёт понятный и пугающий. Всё, что было так хорошо, станет так безнадёжно худо. И мы ещё будем, безработными, сидеть на своих творениях. Чувствую, надо поправиться и искать работу.

Надо начать снова, но где и что начать? Устроить за границей выставку; это теперь, при современной репутации всего русского? Что начать и где? Может быть, и Вы этим вопросом заняты и Ваши строения сложны. Всё это трудно. В тиши хорошо, когда есть покой, но, представляя себя себе оторванным и оконченным, тоже трудно. Что лучше?

Пока лечусь и пробую работать, но слабость большая, устаю. Голова работает ясно, образы выявляются, и нужные только для меня вещи наполняют ящик. Мой дорогой друг, мне захотелось побеседовать. Беседа невесела. Думаю, и у Вас нет веселья. Привет Евгении Львовне.

Сердечно Ваш

НР.

3 окт. н/с. 1917. Сердоболь.

Российский государственный архив литературы и искусства (Москва) Ф. 1694, А. В. Руманов, оп. 1, д. 546, л. 27-28об.

**[21 сентября / 3 октября 1917 г.] Сердоболь.
Письмо Н.К. Рериха к Степанову И.М.**

Петроград. Морская, 38. Общество Поощрения Художеств.
Его Превосходительству Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] М[ихайлович]. Пишу дополнительно. Не знаю, кто будет подавать особое мнение о Школе? В этом вопросе поможет Е. Н. Фену, который сторонник сокращения занятий, о чём и постановлял Комитет. У меня есть его

письмо, где он только называет занятия иначе: «курсы», а мы называем свободные мастерские, но это только наименование, а сущность дела та же самая. Причём формула Комитета «расширяемые при возможности» очень широка. Конечно, голос финансовый здесь очень важен.

Ваш НР.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 7–7об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе 03.10.1917.

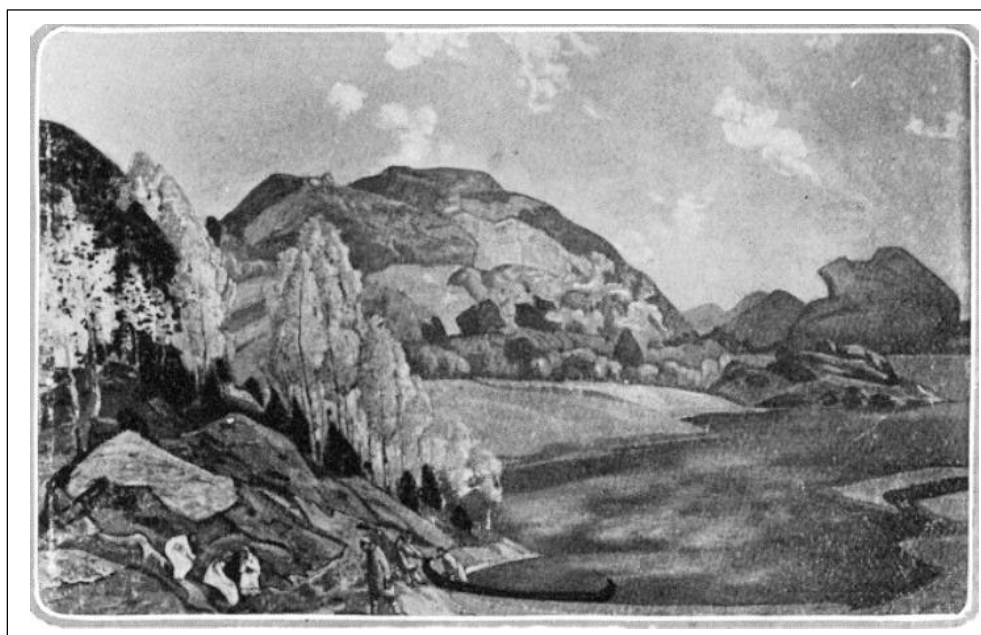
**[25 сентября 1917 г.] Петроград.
Письмо А.П. Иванова к Рериху Н.К.**

...Очень интересно, что такое Ваша Heroica? Серия ли ландшафтов или какой-нибудь цикл с темой поэтической? «Сагу о Вёлунде» в Вашей трактовке более ясно могу себе представить, зная Ваш стиль и будучи знаком и с самой песней об этом связанном кузнеце, героическом аспекте огненного бога Локи. Помню даже наизусть один стих оттуда.

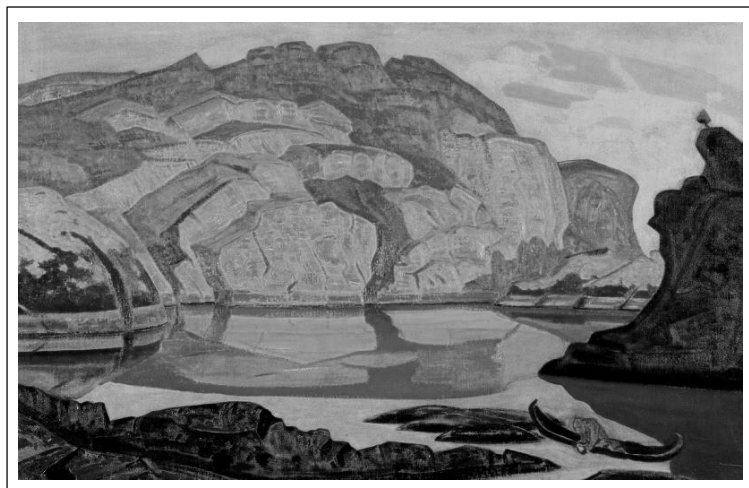
Сведал Нидуд, князь Ниаров,
Что жил Вёлунд в Волчьих Долах.

Но, конечно, увидеть бы самую картину очень, очень бы хотел. Придётся ли? ...

Публикуется по: Елена Сойки. Северный лик Николая Рериха. С. 56.

Н.К. Рерих. Сага о Вёлунде. 1917.
(Однотонное воспроизведение)

Н.К. Рерих. Клад захороненный. 1917.
(Однотонное воспроизведение)

НЕ ОТКРОЮ

Усмешку оставь, мой приятель.
Ты ведь не знаешь, что у меня
Здесь сокрыто. Ведь без тебя
Я наполнил этот ларец.
Без тебя и тканью закрыл.
И ключ в замке повернул.
На стороне расспросить
Тебе не удастся.
Если же хочешь болтать –
Тебе придётся солгать.
Выдумай сам и солги,
Но ларец я теперь
не открою.

1917.

25 сентября / 7 октября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Бенуа А.Н.

Дорогой Александр Николаевич, мои лёгкие опять загнали меня в Сердоболь. Когда выпустят меня отсюда - не знаю. Может быть, буду рентгенизироваться, чтобы установить, что за нелепая форма ползучего процесса. Верно, где-нибудь имеется очаг, который при первой возможности осложняется. Настроение плохое. Живём в обстановке из Кн[ута] Гамсуна. Перед окнами - очень важное место, приход парохода! Покуда вне всяких городских соображений, ещё ничего. Природа хороша, хотя бы из окна. Но финская полукультура или вернее среднекультура, где нет ни низкого, ни большого - всё-таки тягостна. К тому же все они до того пропитаны маленькой политикой, что вопросы духа и, конечно, искусства очень далеки. Хорошо, что хоть есть уважение к искусству. По сравнению со многим нашим и то уже ладно. Всё время идут толки о десанте. Откуда эти вести ползут, почему так упорны эти слухи -

не пойму. Но ждут и ждут «разнообразно». Смотрю на серое небо, на бурные волны - не верится в десант накануне ледостава. Но этот говор всех волнует.

Степ[ан] Петр[ович], вероятно, Тебе передал мою записку о Школе. Как странно, что именно в революционном Правительстве - просветительное, общественное дело должно гибнуть и нищать. Положение дела ещё хуже, нежели я писал, ибо мои данные были от весны, а осень принесла во всём ухудшение. Надо придумать для Школы, хотя бы и сокращённые, но такие формы, чтобы она без нищенства могла бы стоять на своих ногах. Трудно это говорить, мне, строителю, но нужно что-то сделать своими средствами, нежели ждать наше правительство, которое богачу Зубову помогает. Мне представляется тип свободных худож[ественных] мастерских, и живописных, и прикладных. Таким путём, без громоздких «классов», мы всё же сохраним идею единого искусства. Если вообще творчество и строительство будет возможно.

Напиши о Твоих настроениях и работах. Как дело Твоё с Головиным? Будут ли и где выставки М[ира] Иск[усства]?

Привет Анне Карловне. Привет товарищам художникам. От всего сердца желаю Тебе всё светлое.

Сердечно Твой

Н. Рерих

Сердоболь. Дом Genetz.

7 окт. н/с. 1917.

Дороговизна — ужасная. Мешок рж. муки — 250 руб. Кило масла — 22 р. и т. д.

Отдел рукописей ГРМ. Ф. 137, оп. 1, д. 1468, л. 28–29об.

28 сентября / 10 октября 1917 г. Сердоболь.

Письмо Н. К. Рериха к Иванову А.П.

Сердоболь. Дом Генец.

10 октября н/ст. 1917.

Дорогой Александр Павлович,
получил Вашу весточку. *Прочувствовал* её. Вот как нас раскидало! Живу в Сердоболе, больной - опять ползучее воспаление. Когда пройдёт - бог знает. Дождь бьёт в окна. Передо мной страницы К. Гамсуна с его маленькой культурой. Та же пароходная пристань. Те же интересы малого городка. Дороговизна убивает всё. Мешок рж[аной] муки - 250 р., кило масла 22 руб. и т. д. Как и все россияне, живём, проживаем запасы, вернее, проедаем, а что впереди? Предлагали мне продать нидерландцев, но разве друзей продают? А может быть, этот сантимент более неуместен? Школа распускается, а мне, строителю, можно ли в роспуске участвовать? Учащиеся говорят: будем жить на «дефицит», хоть пропади всё дело, а сегодняшний день наш. При моей дальнорукости такое положение разрушает все надежды. Приходы Общества те же, а расходы ушестерились - формула ужасная в своей ясности. В августе я отказался от директорства и остался попечителем Школы. Каждодневную работу передал Химоне. Комитет это считает временным, но я-то знаю, что к прежнему нет возврата. Есть мысль (неисправимый оптимизм) о новых формах сокращённой школы, но ведь их не дадут провести в жизнь. Если хотите, возьмите у моего

брата мою августовскую записку о Школе. Вы поймёте её и прочувствуете, особенно конец. Пока солнце взойдёт - роса очи выест. Где же свобода и единство? Какие же тёмные силы всё это съели? За это время я написал статью «Единство» - о современном положении, конечно, печатать её негде. В прошлый приезд познакомился с Плехановым и Кропоткиным. Первый мне особенно понравился, - в нём есть строительство! Второму, при его добрых глазах, мне трудно вложить в уста его речи из Писем бунтовщика. Несколько комично выходит.

Ото всего уходил в свою работу. Накоплял мечтания свои. Кому всё это нужно? Нужно нам самим и тому неведомому народу, которому остатки (в виде старинной картины) перейдут. В «Единстве» я провожу мысль об анонимности творчества и думаю, что при перестройке жизни этот принцип пригодится. Ведь время всё равно удалит личность. А мы творений духа временные стражи. И всё-таки, что бы ни мыслили и как бы ни перекраивали жизнь, а всё-таки светочами жизни будут стоять творения анонимные, причём подписи будут лишь сопроводительными нечёткими марками.

«Героика» - из 7 частей. 1. Клад захороненный. 2. Зелье нойды. 3. Приказ. 4. Священные огни. 5. Ждут. 6. Конец великанов. 7. Победители клада.

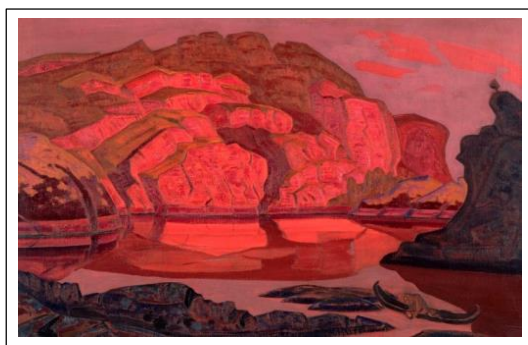
Четвёртая и шестая части без людей. Конечно, по этим вещам (я считаю их эскизами больших) здесь писать негде, а когда будет можно? Вёлунда — наверно себе не представляете. Первая часть светлая — приезд с братьями. Вторая часть — дочь Нидура пробирается к деревянной клетке — темнице (Чёрное, белое, зелёное). Сейчас буду писать Столпника. Если хотите, пришлю список вещей. У Грюнберга, кажется, всё разваливается. Руманов в курсе этого дела. Трудно здесь жить с гамсуновской культурой. Ни малого, ни большого. Да и всем трудно. Одно плохо — нездоровье. Это уже сверх программы. Привет Вашей супруге. Пишите. Очень рад Вашим вестям.

Сердечно Ваш

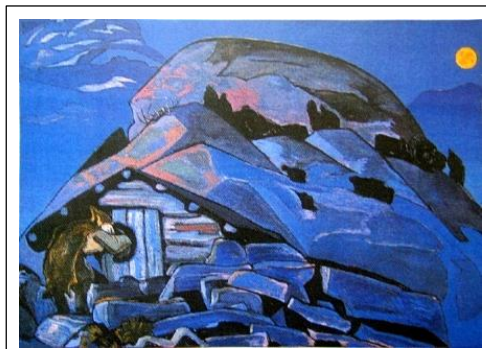
Н. Рерих

Публикуется по: Елена Сошни. Переписка Н. К. Рериха с современниками // Север. 1981. № 4. С. 110.

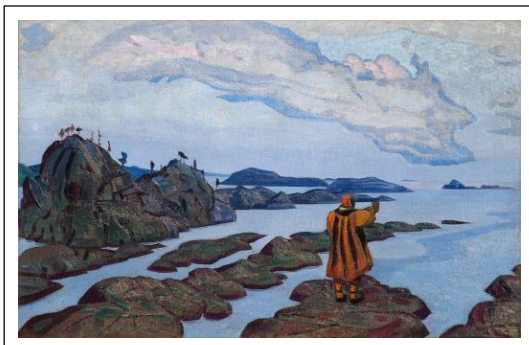
« "Героика" — из 7 частей. 1. Клад захороненный. 2. Зелье нойды. 3. Приказ. 4. Священные огни.*) 5. Ждут. 6. Конец великанов. 7. Победители клада....»

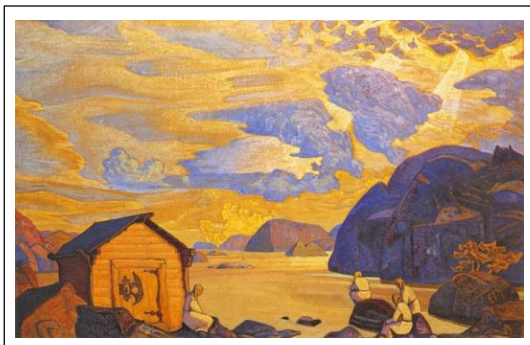
Клад захороненный.

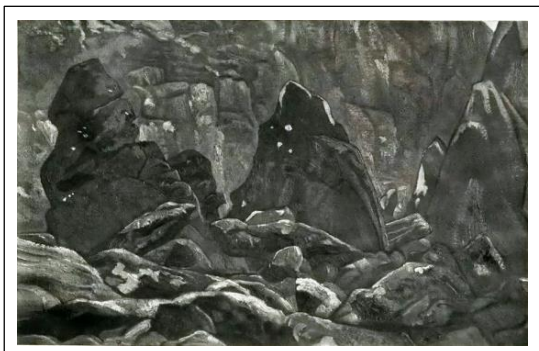
Зелье нойды.

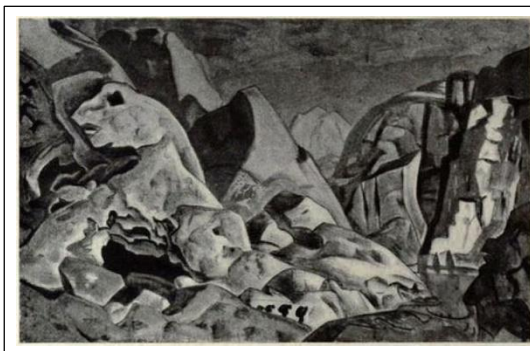
Приказ.

Ждут.

Конец великанов.

Победители клада.

(Однотонное воспроизведение в Монографии Ярёмченко. 1931 г.)

*) Воспроизведение картины «Священные огни» отсутствует - ред.

29 сентября 1917 г.

Листы из архива Государственного Эрмитажа

**ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ.
Краткая заметка о школе Общества
Предварительный проект преобразования её.**

Школа Общества была основана при старом режиме, и, вполне естественно и даже неизбежно, основатели и организаторы её были **ВЫНУЖДЕННЫ** считаться с царившим тогда везде в России духом формализма и строить школу всё-таки применительно к общепринятым тогда казённым образцам, лишь по возможности вводя в неё некоторые улучшения.

Конечно, и самих организаторов школа не совсем удовлетворяла, но они мирились с ней, ибо только так и можно было, при прежних обстоятельствах, осуществить её.

В самом деле, ныне существующая конструкция школы не вполне соответствует своему назначению с двух точек зрения:

1) С точки зрения интересов художественного образования учеников школы и

2) с точки зрения финансовой.

Обучение искусствам и художественным ремёслам, как это показывает и заграничная практика, требует более свободного режима, не стесняющего

учащихся непременно прохождением того или другого числа ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ КЛАССОВ. В этом отношении система, принятая ныне в школе, могла бы быть, с выгодой для художественного образования учащихся, заменена другой, а именно системой СВОБОДНЫХ МАСТЕРСКИХ ПО ОТДЕЛЬНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ ИСКУССТВА, дающих полную возможность учащемуся развивать беспрепятственно ту сторону своего дарования, к которой его более влечёт.

Школа должна только дать нужного руководителя и все необходимые средства, как помещение, модели и пр.; и самоё руководство не должно, так сказать, «висеть» над учащимся. Совершенно достаточно, если руководитель придёт три раза в неделю посмотреть работу ученика и сделать руководящие указания.

Кроме того, ныне принятая система последовательных классов обходится слишком дорого. Вознаграждения, получаемые преподавательским персоналом, ничтожные и требует непременно увеличения в двойном и даже тройном размере, а такое увеличение невозможно без чрезмерного повышения платы с учащихся; повышение же платы можно допустить в известном, довольно умеренном, размере, если представить широкий доступ в школу всем слоям населения, что, разумеется, совершенно необходимо.

В настоящее время, когда всё в России перестраивается сизнова и стремится к формам, наиболее соответствующим успешному развитию культурных сил Родины, представляется совершенно неотложным заменить существующий строй школы Общества другим, более соответствующим духу и стремлениям времени, каковой строй и рисуется в системе уже упомянутых СВОБОДНЫХ МАСТЕРСКИХ.

Как будет ниже указано в сметных предположениях, такая реорганизация школы, помимо достижения главной цели, т. е. поднятия художественного образования учащихся, даст возможность также достигнуть упорядочения материального положения учащего персонала, не нарушая соответствия в приходо-расходных статьях школьного бюджета.

На основании всего вышеизложенного, предполагается учредить ПЯТЬ основных мастерских ЧИСТОГО ИСКУССТВА, а именно:

- 1). Мастерская НАГОЙ НАТУРЫ, РИСОВАНИЕ И ЖИВОПИСЬ.
- 2). Мастерская МЁРТВОЙ НАТУРЫ, " "
- 3). Мастерская ПОРТРЕТОВ, " "
- 4). Мастерская СКУЛЬПТУРЫ.
- 5). Мастерская АРХИТЕКТУРНО-ДЕКОРАЦИОННАЯ.

Каждая мастерская находится под руководством ПРОФЕССОРА, приходящего три раза в неделю. Остальное время учащиеся работают самостоятельно. Модель — целый день, до и после полудня с кратким перерывом.

Для ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА учреждается пять мастерских:

- 1). Мастерская КЕРАМИКИ.
- 2). Мастерская РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ.
- 3). Мастерская ЖИВОПИСНО-ДЕКОРАЦИОННАЯ.
- 4). Мастерская ЛИТОГРАФИИ.

5). Мастерская ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТКАНЕЙ.

Эти мастерские находятся под руководством МАСТЕРОВ-СПЕЦИАЛИСТОВ; художественное руководство этими мастерскими осуществляется Директором школы.

Кроме того, читается три курса лекций:

- 1) по анатомии,
- 2) по перспективе и
- 3) по истории искусств,

для чего приглашаются соответственные лекторы.

Классы для обучения начальному рисованию остаются в пригородных отделах школы, которые будут играть роль подготовительных.

Общее заведывание школой и, главным образом, художественное направление её возлагается на ДИРЕКТОРА школы во всей полноте, который, кроме того, является одним из профессоров-руководителей. — Для заведывания художественно-административной частью школы приглашается ПОМОЩНИК ДИРЕКТОРА, каковой художественным руководителем не является. В помощь ему приглашается СЕКРЕТАРЬ школы.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ СМЕТА НА СОДЕРЖАНИЕ ШКОЛЫ.

Приход

Приблизительная смета на содержание школы.

Субсидии школе. Р. 25 000

Плата 1000 учеников, считая в том числе 20% бесплатных, по Р.50 за триместр при 3-х триместрах Р. 120 000

Расход

5 профессоров по Р. - 3000. Р. - 15 000

5 мастеров по Р. - 3000 Р. - 15 000

3 лектора по Р. - 1500. Р. - 4500

Директору добав Р. - 1000

Помощнику Директора Р. - 3000

Секретарь. Р. - 2400

Служители. Р. - 17 600

Пригородные отделы. Р. - 15 500

Модели и пр. расходы. Р. 20 000

Музей при школе. Р. - 10 000

Библиотека. Р. - 5000

Содержание зданий. Р. - 20 000

Непредвиденные расходы. Р. - 16 000

Весь приход - Р. - 145 000

Весь расход - Р. - 145 000

Как видно из сметы, плата за обучение значительно повышена; но она всё же весьма невелика и в таком размере не может служить никому препят-

ствием для поступления в школу. Кроме того, предвиден значительный % бесплатных учеников.

Значительный непредвиденный расход в Руб. 16 000 — внесён потому, что при ныне существующих тяжёлых и крайне неурегулированных обстоятельствах действительно возможны крупные экстренные расходы; кроме того, возможно уменьшение поступлений по приходной смете вследствие невзноса части платы учениками.

Во всяком случае, при вышеуказанной схеме приходы и расходы сметы должны сбалансироваться.

29/IX— 17 г.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 591, л. 5-6об. Машинопись, без подписей.

Н.К. Рерих. Карельский пейзаж (Ладога). 1917.

30 сентября 1917 г. Сердоболь.

Письмо Н.К. Рериха к И.М. Степанову

Петроград. Морская, 38.
Общество Поощрения Художеств.
Его Превосходительству
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой Иван Михайлович, не знаю, как удобнее передать имущество ученической столовой Комитету. Кому заплатить деньги? Кто даст расписку? Как бы не вышло неприятности из-за пустяка? Оттого Одинцова и получила общее распоряжение «не трогать». Поговорите с Белым. Это уже не моя, а хозяйственная часть. Прошу ещё карточку для моей жены с сыновьями. Здоровье моё очень плохо. Давно так не было. Хочется поправиться!

Ваш НР.

Привет С[тепану] П[етровичу].

РГАЛИ, ф. 873, И.М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 6-6 об. Штемпель в Сердоболе 30.09.1917 г.

ОКТАБРЬ

6 октября 1917 г. Сердоболь.

Письмо Н.К. Рериха к Ланговому А.П.

Дорогой Алексей Петрович.

Давно ничего не слыхал про Вас. Да и меня самого закинуло в Сердоболь, где я до сих пор задержался из-за ползучей пневмонии. Вы знаете, какая это «приятная вещь», и какое «хорошее» создаёт она самочувствие.

После хорошего, рабочего лета, в Августе я побывал в Петрограде и получил мою испытанную болезнь. Сейчас меня тревожит такой вопрос: события идут так стремительно, что, право, не знаешь, удастся ли оставаться в Финляндии? Как Вы полагаете, если бы пришлось приехать в Москву вчетвером, можно ли там достать помещение, как с пищей, и принимает ли вообще Москва таких приезжих. Нужны, во всяком случае, две комнаты. Как Ваш совет и соображения?

Хотя Финны приняли меня более чем хорошо, но является предположение, как бы не отказаться отрезанным? Слухи – нехороши. Почему-то ждут десант в Финляндию. Откуда берутся эти слухи – трудно сказать, но сами Финны ими обеспокоены, хотя и относятся к ним разнообразно.

Если черкнёте мне Ваше соображение – буду Вам очень признателен. Адрес мой: Сердоболь. Финляндия. Sortavala. Дом Genetz. Мне.

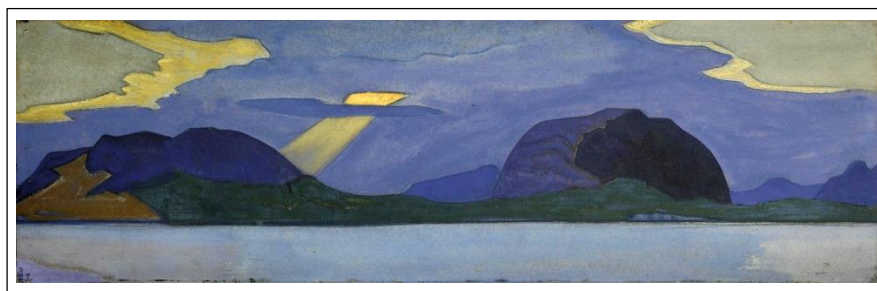
Сердечно Вам преданный

Н. Рерих

6 октября 1917. Сердоболь.

Места здесь очень хороши: лучшее – что я в Финляндии видел. Подлинный романтизм. Осень здесь ещё красивее лета!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 3/253. На штемпелях даты: Сердоболь. 10.10.1917. Москва. 20.10.1917.

Н.К. Рерих. Финляндия. 1917.

6 октября 1917 г. Сердоболь.

Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Петроград. Морская, 38. Музей.
Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] М[ихайлович]. Спасибо за письмо. Спасибо за то, видимо, принимаете в соображение мои планы. Всегда готов для Комитета, если

поручат, сделать проект. Как теперь с эвакуацией правительства? Неужели оно покинет столицу? Ведь тогда безначалье будет. Что решаете насчёт Музея? Вы знаете, о чём говорю. Радуюсь, если Верещагин оказался близким делу - привет мой ему. Что было в Комитете? Здоровье моё неважно. Хоть бы морозы скорей - при них лёгкое замрёт. День хуже, день лучше. Привет Ст[епану] П[етровичу].

Сердечно Ваш НР.

6 окт. 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 8-8об.

**[Начало октября 1917 г.] Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П.**

Петроград. Морская, 38. Музей.
Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой С[тепан] П[етрович]. Спасибо сердечное за письмо. Конечно, все мысли у нас общие. Если Комитет *поручит* мне разработать проект Школы, я немедленно его представлю. Как только начнутся морозы, я приеду (лёгкое замрёт тогда, а сейчас в слякоть ехать очень опасно). Думаю, что к Ноябрью похолодает, и ведь до 1 Января у нас есть время. Будь добр, напиши о Комитете. Буду *ждать поручения* Комитета. Твои мысли об «академии», конечно, по-прежнему близки, как и при первых наших беседах. А «Меч мужества» ведь имеется.

Твой Н. Р.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 24-24об.

Штемпель в Сердоболе <...>. 10.1917. Приписка рукой Яремича (?): получ. 12 окт. 1917.

**[Октябрь 1917 г.] Сердоболь.
Письмо Н.К. Рериха к Руманову А.В.**

Дорогой Аркадий Вениаминович.
Как Вы живёте? Ввиду всяких слухов у нас новое предположение. Не ехать ли в Москву? Как Вы думаете, когда последний срок. Телеграфируйте, если считаете мысль приемлемой: «хорошо и срок». Ведь и в вагон попасть в Питере нужно! Если оставить северную линию, телеграфните «оставайтесь». Настроение наше бодрое, но слухи неважны! Откуда всё берётся? Как Вы? Я скучаю без Вас. Привет Е[вгении] Л[ьвовне].

Ваш НР.

Говорят, что войска из Финл[яндии] пойдут через наш город.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1694, А. В. Руманов, оп. 1, д. 54б, л. 53. Автограф письма без даты.

**7 октября 1917 г. Петроград.
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н.К.**

Всероссийское общество
Поощрения Художеств
7.10.1917.
№ 212.

Попечителю Директору Школы
Николаю Константиновичу Рериху.

Глубокоуважаемый Николай Константинович.

Комитет Общества в заседании, состоявшемся 5 сего Октября, выслушал:

а) Ваше письмо о необходимости обсудить вопрос о положении школы и преподавателей при создавшихся исключительных условиях; б) заявление казначея Д. И. Верещагина о затруднительном денежном положении Школы и о необходимости принятия экстренных мер для сохранения Школы на будущее время, так как самоё существование её возможно при полном переустройстве и в) внесённое в заседание Комитета прошение комиссии учащихся, основанное на постановлении общего собрания учащихся о разрешении открытия занятий в школе в ближайшие дни в помещении её на Мойке, ввиду того, что желающих работать в настоящее время явилось 360 человек.

По подробном обсуждении означенных вопросов Комитет пришёл к заключению, что современное положение вызывает необходимость переустройства всей Школы на новых началах; что же касается ходатайства учащихся, то Комитет признал необходимым открыть Школу и мастерские в сокращённом виде для желающих работать, а потому постановил:

1) просить Вас не отказать принять на себя работу по составлению проекта реформы Школы Общества на совершенно новых началах, конструируя Школу, если Вы признаете возможным, при условии увеличения платы с учащихся с уменьшением числа преподавателей; 2) ныне открыть школу и мастерские в сокращённом объёме курсов и в виде опыта, по 1 Января 1918 г. и 3) поручить Комиссии из следующих лиц: Н. П. Химоны, Б. К. Рериха, казначея Д. И. Верещагина и Секретар

я просмотреть вновь смету на 1917 и 1918 г. и, сократив насколько возможно расходы Школы, установить увеличенную плату с учащихся до 75 руб. за полугодие и уменьшить до возможного минимума число бесплатных учеников.

Сообщая о настоящем постановлении, прошу принять уверение в отличном уважении.

Центральный государственный исторический архив, СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 19-19об.
Черновик письма. Машинопись на бланке ВОПХ.

**9 октября 1917 г. Петроград.
Письмо И.М. Степанова, В.А. Щавинского, С.П. Яремича к Рериху Н.К.**

Финляндия. Сердоболь. Sortavala. Kummela д. Genetz.
Академику Н. К. Рериху.

9/Х.

Дорогой Николай Константинович.

Неотложные дела требуют Вашего присутствия. Возможно скорей необходимо быть Вам в Питере.

Ив. Степанов

В. Щавинский

С. Яремич

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма И. М. Степанова. Штемпель в Петрограде 10.10.1917, в Сердоболе 25.10.1917

[Октябрь] 1917 г. Петроград.

Письмо А.А. Рылова к Рериху Н.К.

...Писал ли тебе Ник[олай] Петрович, что Комитет решается открыть школу на Мойке? Ученики собрали много подписей и очень просят об этом, и что в Демидовом вышло недоразумение: мастерские с *городскими* стипендиатами закрыть неудобно, а вместе с учащимися с Мойки - выходит теснота. Отопление и освещение в Демидовом за счёт учащихся, так было решено в Комитете, а как же городские стипендиаты? Химона говорит, что решено плату увеличить до 75 р. в полугодие. Завтра, в среду, - педагогический совет по этому поводу. Посмотрим, что выйдет. Досс очень дорогая - её, вероятно, не откроют.

Я просил Химону моих зверей тоже, ввиду дороговизны, не выпускать, я думаю ещё что-нибудь сократить, напр[имер], м[ожет] б[ыть], соединить натурные классы.

Ох! Как мрачно на улице, мрачно в России и на душе. Гибнем, что ли? А жить хочется.

Ну, дорогой мой, будь здоров, счастлив и удачлив. Поправляйся.

Будем жить!

Привет супруге твоей.

А. Рылов

В. О., 4 л., 31, к. 12.

Р. С. Комитет скажет - у нас денег нет, чтобы ещё открывать отделение на Юге. Мне кажется, не в деньгах дело, можно пока и без денег, раз помещение готово. Весной можно бы поехать туда, и хотя гипсовые орнаменты развесить, да мольбертов штук 10 поставить, чтобы на школу похоже было. Я бы готов был отказаться от своего жалования на первый год, а там какого-нибудь благодетеля прижали бы к стене в честь святого искусства.

Отопления почти не надо.

Освещение - бесплатное солнце. За квартиры с преподавателей слегка взимать, и за это у нас будут служители и натурщики. Учащиеся будут платить тоже слегка, и даже не слегка. Бабушка русской революции выхлопотала бы учащимся общежитие со столом, а преподавателям — клуб тоже со столом.

Садовницей у нас была бы какая-нибудь бесплатная ученица с помощницами дежурными. В огороде - тоже сами управляться будем. В винограднике был бы у нас виноградарь. Я бы поучился, люблю виноград.

Ну, так вот, как бы это?..

Твой Аркаша

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма. Начала нет. Без даты.

**[11 октября 1917 г.] Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П.**

Петроград. Морская, 38. Музей.
Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой С[тепан] П[етрович]. Будь другом, черкни хоть открытку, что решила Комиссия делать с Музеем. Ведь это единственное достояние Общества. Решите заодно и о моём собрании. Там Вам виднее. Но бросать всё, как есть, по всем событиям - страшно. Судя по всему, события будут расти, и надеяться на чудеса, видимо, больше нельзя. Творений духа мы временные стражи; не погибнет же при нас то, что прожило сотни лет. Будь другом, сообщи, что́ и как.

Твой Н. Р.

Привет И[вану] М[ихайловичу]. Спасибо за письмо ему.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 22-22об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе неразборчив.

**12 октября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н.К. Рериха к Добычиной Н.Е.**

Конверт с адресом:
Надежде Евсеевне Добычиной.
Марсово Поле 7.

Многоуважаемая Надежда Евсеевна.

Получили ли мои открытки? В виду полной безнадёжности получения вещей из Швеции необходимо покончить дело с Серговским. Будьте добры, предложите ему или вернуть 300 руб., или выбрать в эту сумму мою другую вещь. Теперь не должно быть нерешённых дел. Три вещи, которые у Вас – в этой цене. Или он выберет что-либо иное, подходящее по цене. Все ещё кисну – жду морозов. Как Вы?

Искренно преданный Вам

Н. Рерих

Сердоболь. 12 окт. 1917 г.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/104, 2 л.

**12 октября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.**

12 октября 1917. Сердоболь.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович.

Вследствие письма Вашего за № 212 спешу известить Комитет Всероссийского Общества Поощрения Художеств, что я не премину сейчас же заняться проектом Школы и для этой необходимой работы использую время моего докучного для меня нездоровья.

В основу моего проекта я положу неоднократно уже одобренные Комитетом мои представления о введении свободных мастерских, при основании принципа о единстве искусства.

Хотя и тяжкие, но справедливые заявления г. Казначей необходимо ближайшим порядком принять во внимание, как указывалось в записке моей, при прошлом журнале Комитета приложенной.

Если Комитет решил повысить плату до 75 р. в полугодие и уже явилось 360 платных учащихся, то, конечно, занятия следует увеличить, лишь несколько сократив против прежнего размера. При первых морозах надеюсь приехать и прошу Вас передать мой привет Комитету Общества.

Искренно Вам преданный

Н. Рерих

Центральный государственный исторический архив, СПб. СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 23.

13 октября 1917 г. Петроград.

Письмо В.Ф. Белый к Рериху Н. К.

Финляндия. Сердоболь. Kummela. Sortavala, дом Genetz.
Николаю Константиновичу Рериху.

13 окт.

Дорогой Николай Константинович,

На Ваш вопрос относительно музейной комиссии могу ответить, что на неё надежда плоха, т. к. до сих пор вопроса никто не поднимал, а были лишь частные разговоры о невозможности эвакуирования. Вследствие такого наст[р]оения мы (Б[орис] К[онстантинович] и я) думаем в начале недели сделать в Д[емидовом] пер[еулке] кладовую. Думаем притянуть к этому делу и Руман[ова].

Сердечный привет Елене Ивановне и деткам.

Ваш В. Белый

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Штемпель в Петрограде 16.10.1917, в Сердоболе 07.11.1917.

13 октября 1917 г. Сердоболь.

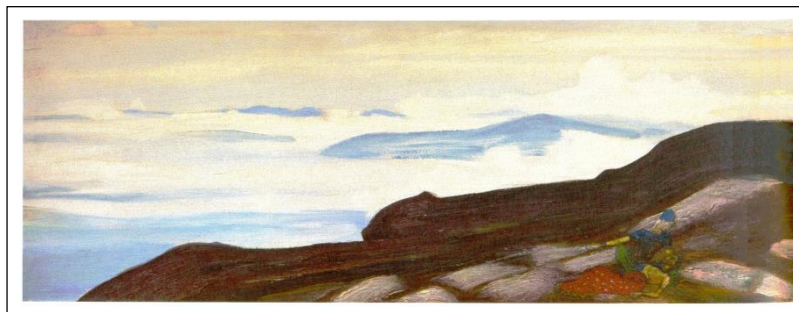
Открытое письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П.

Петроград. Морская, 38. Музей.
Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой С[тепан] П[етрович]. Как живёшь? Каково настроение? Думаю часто о нашем Украинском разговоре. Пожалуй, и моё участие в Общ[естве] Шевченка имело какое-то значение. Кто знает? Конечно, теперь такое время, что всякие перестроения отпадают. Но подождём. Будем опять оптимистами. Но чем жить? Есть ли съедобное? У нас с едою плохо. Дороговизна такая, что просто возможности не отвечают условиям жизни. Если так пойдёт, то всякий

интеллигентный труд замрёт. Правда, чем тут жить? Как у Тебя — напиши. Погода отчаянная. Для меня это плохо.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 23–23об. На штемпеле в Сердоболе дата 13.10.1917.

Н.К. Рерих. Изгнанники.1917.

**[14 октября 1917]. Петроград.
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н. К.**

Финляндия. Сердоболь. Sortavala. Дом Genetz.
Николаю Константиновичу Рериху.

Приеду понедельник, возможно с Аркадием Вениаминовичем, днём или вечером, не знаю. Приезжать тебе незачем — всё благополучно.

Можешь быть совершенно спокоен. Спрос на художеств[енные] вещи огромный. На выставках всё раскупается. Пер Гюнт, рисунок от Бертенсона, на аукционе достался Руманову за 800 р., и то с большим трудом. Всё нарасхват.
Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф открытого письма. Адрес написан рукою Н. К. Рериха. Штемпель в Петрограде 14.10.1917, в Сердоболе 30.10.1917.

**1/14 октября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И. М.**

Петроград. Морская, 38. Канцелярия Всер. Общ. Поощр.
Худ. Ивану Михайловичу Степанову.

Дорогой И[ван] Михайлович]. Как живёте? Погода не даёт мне оправиться. Бури и ветры. Как Комитет? Что особое мнение, о котором Вы писали. Не понимаю — от кого оно и каковы основания? Как Вы боретесь с дороговизной жизни? В Гельсингфорсе уже пекут хлеб на исландском мхе и кило масла 50 м[арок] при курсе в 112? Каково? Больше всего пугает то, что жизнь расходуется с возможностями. Это страшно. Пишите, как Вы? Всегда рад Вашим вестям.

Ваш НР.

14 окт. н/с. 1917.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 9-9об.

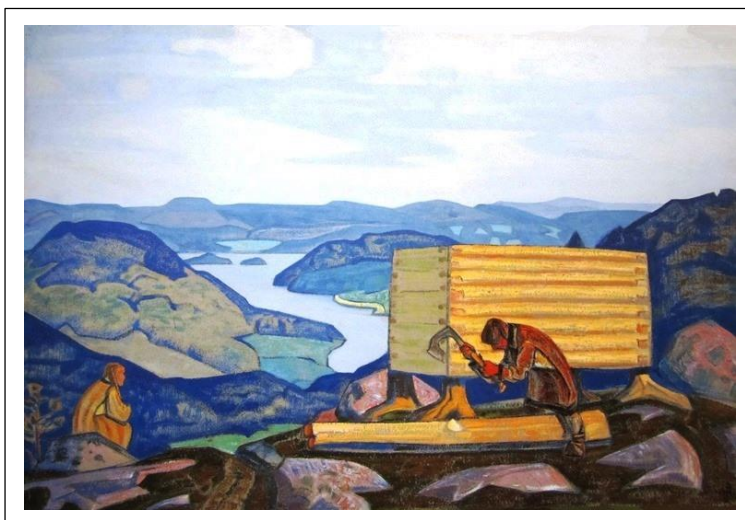
14 октября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С. П., Щавинскому В. А., Степанову И. М.

Дорогие мои,
Степан Петрович, Василий Александрович, Иван Михайлович.
Призыв Ваш я получил. Дружеское слово мне близко и ценно. Как только здоровье позволит, так и приеду. С морозами, со снежком.
Начал проект нашей Свободной Академии. Всегда готов написать и сообщить всё полезное нашему общему делу. Школа пусть будет пока в переходном, сокращённом виде. Сообщите, какие неотложные дела? Горю знать.
Да хранит Вас Господь.
Сердечно Ваш, духовно с Вами

Н. Рерих

14 окт. 1917. Сердоболь.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 10.

Н.К. Рерих. Новый дом. 1917.

15 октября 1917 г. Петроград
Письмо И. М. Степанова к Н. К. Рериху

15 окт. 1917.

Дорогой Николай Константинович.
Прежде всего, все мы озабочены состоянием Вашего здоровья. Хотя мы и писали, что присутствие Ваше здесь необходимо, но при настоящем состоянии Вашего здоровья о приезде Вашем не может быть и речи. Здесь пока тихо. Вопрос о музее ещё раз внесём на рассмотрение ближайшего заседания Комитета. Для меня, как несведущего человека, кажется, что все страхи преувеличены.

Надеюсь, Вы получили от Степана Петровича эскиз записки о Школе и моё полуофициальное письмо по тому же предмету. Теперь всем совершенно ясно, что при настоящих условиях Школа в таком виде не может оставаться.

Если Вы возьмёте на себя составление плана реформы Школы, то чтобы сохранить права на пенсию Директора и преподавателей (может быть, Ректо-

ра и Профессоров) и санкционировать положение Школы, необходимо внести положение на утверждение Временного Правительства в виде законопроекта. Для этого нужна историческая записка возникновения и деятельности Школы. Так как мы получаем на Школу субсидию от Министерства и Кабинета, то было бы полезно этим же законопроектом испросить ежегодную субсидию 50-100 т[ысяч], и тогда это будет верно и неотъемлемо. В этом нам могут помочь Галецкий и Шидловский.

Если бы Вам понадобились какие-либо материалы, черкните, я Вам вышлю, также пришлю форму законопроекта, который должен быть составлен в этом случае по существующему во Временном Правительстве порядку.

Плохо двигается наше дело о духовном завещании Крачковского; не пришлось бы нам заплатить большие деньги за квартиру, в которой хранятся завещанные нам предметы. Мне кажется, Руманов слишком занят своими делами, чтобы ещё заниматься делом Общества. Я это увидел из дела по иску, предъявленному к нам каким-то типом по аукциону Платера. Так трудно было сговориться с Румановым даже по этому ничтожному делу. Он ни к телефону не подходит, ни на письма не отвечает. К нему обращался, по моей просьбе, Борис Константинович, но и это не помогло. Однако, не найдёте ли возможным, дорогой Николай Константинович, написать Аркадию Вениаминовичу по делу Крачковского. Насколько я знаю, это дело не требует такой длительности.

Вот пока наши главные вопросы.

Искренно Вам преданный

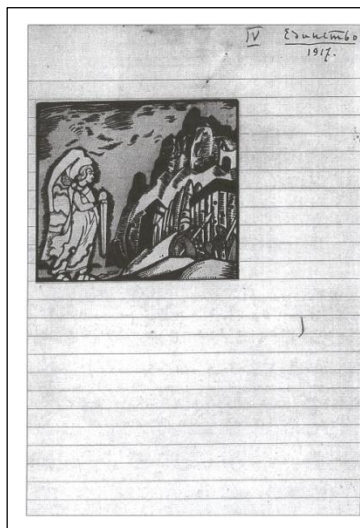
Ив. Степанов

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

Н.К. Рерих. Залив. 1917.

15 октября 1917 г. Залив Единения

Страница рукописи. Начало четвертой части сборника. 1917.

ЕДИНСТВО

Братец! Не знаю, как мыслите вы там в городе. Может быть, слова мои неуместны. Но мне сказали, что они нужны.

Когда звонкою, призывною трубой — кукованье. Когда чётки горлицы вздохи. Когда непонятно мягко и удалённо звенят колокольчики стад. В хвойном бору рождается звон. Хранят звон камни и скалы. В озёра звон погружается. Звенит всё нечеловеческое. Другого не слышно.

Тогда думайте о людях.

Будет так, как должно быть.

Крушение народов. Разрушение городов. Мы думали, это удел истории. Но видим, что ничто не ушло из жизни. Не ушёл и зверь человеческий.

Уйдёт наша раса. Ей на смену возникнет новая. Может быть, уже зарождаются элементы нового народа. Или она придёт извне? Неожиданной, неугаданной. Когда в ночи светильники затемнятся.

В новом народе создастся ещё одна ступень к мировому единству.

Ещё недавно казались слова об единстве — мечтою несбыточною. Ступени единства не однажды выявлялись в жизни. Возникали с ожесточением.

Несостоявшееся равенство. Искалеченное братство. Неосознанная великая свобода, не сочетанная с великим знанием.

Теперь опять гребень метровой волны. Опять слова о единстве. Слова опять грубые. Непохожие на великие провозвестия древности. Может быть, и теперь это только предчувствия. Ещё безмерно сильны основы лжи и враждебности. Ещё живо всё, что единству противоположно. Может быть, ещё придётся пережить ступень обратную. Окунуться в «самоопределение народностей», так противоречивое смыслу мирового единства. Но и здесь чувствуется извилина того же пути. Пусть народности вспомнят все свои корни. Расчлениятся на роды и кланы. Обессиленные очаги создадут новую необъятную волну единства. И новые, умудрённые люди скажут новое общечеловеческое слово.

Мечта о единстве. Она ещё так же далека, как всемирная мечта о «золотом веке». Но она так же жизнеспособна, ибо она повторяет лучшую мечту человечества.

Проповеди пророков, осмеянные «здравыми» людьми, всегда казались мечтами. Но не бытовые собрания, не выдуманные решения толпы, а вещания избранных все-

гда строили главные пути жизни. Велика житейская умудрённость Пилата. Высоко измышлены слова фарисеев, но мечта их рассеяла и стёрла.

Но далеки пути звёзд и мечты. Мнящие себя уже готовыми носителями всемирного единства должны помнить, что вся грязь жизни, клевета и личные счёты безмерно далеки от светлой мечты о единстве. А между тем, глубокие философские учения, которые единственно могут приблизить торжество сознательной правды и единства, встречаются малознающими людьми без всякого внимания. И если сами проповедники крайнего социализма сами лично так нечутки, так далеки от основных начал единства, то значит человечество ещё не организовано для восприятия великой идеи.

Ранее водворения идеи придут проповедники её, которые подкрепят учение личной жизнью. Примеры, кроме немногих исключений, мало годны. Они не заразительны в достаточной мере. И сами социалисты точно опасаются тех, кто должен подвигом жизни подтвердить чистоту учения своего. И в подавляющем большинстве суждений в основе лежит злоба. Но этот бич людей не может прикоснуться к священной идее единства. И каждое незлобное, спокойное слово, подкреплённое доказательствами и наблюдениями, встречается с пеною брани, встречаемо некультурным, огульным отрицанием. Встречаемо всем тем, что наиболее вредит прогрессу мирного человечества. И мы видим, что человечество настолько мало духовно вооружено, что толпы (почти всегда) вместо того, чтобы единением и обменом усугублять массу доброго начала, чаще всего поддаются выявлению начала несовершенного, злого. Отсюда пока высшую радость духа составляют природа и творения человечества уже воплощённые, вне их авторов. Вне всего, что приближает к нам толпу, несовершенную, злую, даже благой порыв которой претворяется в ужас и насилие.

Вы спрашиваете, как же распознавать? Как же узнавать творческие мысли - образы? Неужели, прочтя несколько книг, мы уже что-то можем развить в себе? Но когда вам удастся сосредоточиться, когда вы хоть что-либо подлинно узнаете, тогда поймёте, почему этот вопрос ваш был неуместен.

Реторта алхимика, правда, расплавляла и испепеляла различные металлы, но она не создавала золота.

Поймите свободную законность. Поймите любовь творящую.

Помните, что самое страшное — бунт одичалого народа против знания. Против всех, кто знает больше дикаря. Правда, в истории такие бунты редки, но всё-таки мы их знаем. Содрогаемся, но уже знаем. Ступень такого народа очень низка, но всё-таки бывает народ, изгоняющий учителя. Голодного, самоотверженного народного учителя! Поэтому идея народного просвещения и ближе всего к понятию подвига.

Неужели, подражая свайным жилищам, и нам придётся спасаться на островах, — от кого? От своих. Свои, свои! Откуда в вас эта безмерная дикость? Отчего замолчал в вас голос природы? Где ваш инстинкт, который даже у собак предъявляет природно-разумные веления? Отчего вы всё утратили? Ведь солнце и звёзды были те же над вами? Каким безмерным трудом сможете вы искупить всю нашу дикость. Какие бездны откроются перед вами. Какие волны воплощений вам предстоят. Если бы вы только могли уразуметь это. Если бы вы могли знать больше того малого, что знаете. Откуда пришло самоуничтожение? Откуда восстание против знания и стремление к равенению по убожеству, по невежеству? Откуда изгнание свободы и замена её тиранией? Если бы вы знали, что вы себе готовите!

Приготовляете неумолимо. «Свои! Свои!» Отчего тупоумны и недоброкачественны вожди ваши? Неужели запятнанный человек может стоять во главе чистой идеи? Вы убиваете душу народа. Но за это убийство вы заплатите безмерно и бесконечно. Убийство души народа и знания непростимо. И опыт, основанный на наследии пушки и насилия, не есть достижение.

Что общего с социализмом имеют дикие орды «большевиков» и им присных с ярким тяготением к грабежу и насилию?

Эти сборища одичалых рабочих, потерявших лик человеческий, но зато стремительно разбегающиеся от первого выстрела. Все социалисты (если такие есть) должны восстать и уничтожить озверелые толпы. Дикари, они воюют с женщинами и с детьми! Большевики русские могут неотъемлемо гордиться одним, что ими нанесён смертельный удар социализму. Пусть сменит мёртвую букву будущее единство знания и духа. Пусть человечество очистится и твёрдо уничтожит негодяев и глупцов им верящих. Глупость надо искоренить.

И тот, кто вписал бы в исторические исследования геройские страницы русского большевизма, тот скажет отвратительнейшую ложь. Мы поражены бессмысленностью и некультурностью происходящего. Позорное самоуничтожение! Бездарная, кровавая [трагедия] с грабежами. Настоящий бунт рабов против знания. Неужели высокие принципы единства так безмерно далеки от этих дикарей? И чем возместят большевики миллиарды, которые они отняли у народа? Отняли своею грубою ложью. Новые налоги, безмерные тяготы будут памятью об одичалых, продажных большевиках.

Документы их подкупности хранятся. И мы знаем, что не народ, не нация, а банда негодяев была предателями союзников. Большевики будут громить дворцы; они будут разрушать храмы; они будут вредить Финляндии, Украине. Они всюду вносят зерно чёрного начала. Во имя единства, во имя созидательной свободы, во имя законности пусть торопится народ убрать большевиков и тех предателей, которые с ними. Которые получили свои тридцать сребренников.

Помните, как бесконечно долго добивались люди знания, самого простого знания, самой простой красоты. Укроем знание. Как под снежным покровом...

Покров снега греет и сохраняет даже самые нежные листья. Пусть свет хоть северного сияния, но не пожара.

Братья, помните, что наша Россия более всего страдает распушенностью мысли. Распушенность мысли есть следствие отсутствия морального воспитания. Конечно, не схоластически морального, а свободно морального.

Различим всегда красивую, воздымающую мораль от мещанской сентиментальности. Носители искусства и знания, помните это. Помните вы, созидающие будущую жизнь.

Не равнение по невежеству, но поднятие низов — единственная задача человечества. Материализм — есть собачья психология.

В России особенно не укреплено чувство собственности. Неукреплённая собственность вредит возрастанию чувства достоинства. Отсутствие чувства достоинства вредит усовершенствованию. Когда свободный, сознавший чувство достоинства человек укрепится в понимании собственности, тогда он тем легче дойдёт от собственности личной до собственности народной, вселенской. И путь к единству золотого века только через эти три сознания. Но явиться могут они только при единстве духа. Заметьте: толпа наша всегда — безумна. Толпа времени единства будет всегда священна и мудра. Насколько наши толпы далеки от священности свободной, настолько наше человечество далеко от великого единства.

Помните великую легенду о всемирном потопе.

Братья, оставим всё относящееся до обычных мыслей. До прежнего строительства. Мы прикоснулись к первой судороге крушения нашей цивилизации. Когда всё бывшее уже несовершенно, а будущее не в нашем кругозоре.

Исполнятся пророчества древности. И в болезнях и ужасе родится новое человечество. Для него наша боль, наше горе будет мёртвым. Для него будет радость, нам неявленная. Долгая тьма. Нет ещё света. А теперь? Теперь прошу: если сердце начнёт ожесточаться, повели, Могущий, облаку благодати низко спуститься с вершины и покрыть нас благоуханным покровом. Просвети и наставь!

Уже не говорим о высших жизнях. И в жизни человеческой есть путь вне обычной, нелепой усмешки. Есть явления указующие, ведущие, при которых мускулы губ в усмешку не сложатся. Но насильно никто не должен быть убеждаем? Надо выйти за

пределы нашего «сверхъестественного». На пути подлинных знаний, на дороге просвещения безбоязненного к явлениям «обыденным», которые мы, слепые, видим вокруг себя ежечасно и которые мы, глухие, слышим постоянно. Видим — слепые. Слышим — глухие.

Мне могут сказать, что единство человечества вообще невозможно, ибо оно противоречит несовершенной природе человеческой. Но я подчёркиваю, что об абсолютной идее нужно говорить вне случайных условий нашей обстановки.

Наша раса к этому феномену бытия, конечно, не приспособлена. Но раса следующая, быть может, ближайшая, при изменённых биологических условиях жизни, при одинаковой степени просвещения духа, при знаниях могучих, при разумном пользовании забытыми силами природы, создаст реально возможное человеческое мировое единение. Где личные устремления будут превзойдены ревностью о благе общем. Но наши неумелые, шаткие шаги — это только неясные мечтания о том, что ясно возможно на нашей планете при тех же видимых звёздах. Мы ещё элементарно не вооружены для новой, мирной, светлой жизни. Но надо спешить. Надо закалять и поднимать дух. Надо создать людей, которые могут породить человечество, способное взглянуть в ослепительное лицо солнца единства.

И все вы это можете проводить в жизнь. И все вы будете полезны, но не словами, а трудом, творчеством, отрешившись от злобы и лжи. Попробуйте не лгать; попытайтесь не злиться, не заливать побегу духа чёрными волнами злобы. Право это на общее место. Право это надо каждому из нас ежедневно твердить, отходя ко сну.

Если вы не можете подняться к добру сразу, скоро, то не думайте, что это означает бессилие ваше. Это неумение. Перед нами путь претворения культуры механического, материалистического интеллекта в культуру духа.

В светлую жизнь благословенного, могучего, просвещённого духа.

Восстановленный дух научит нас понимать свободу. Лишь для злобных трудно отличить преуспевающих людей, но идея знания и свободы ничем не загрязнена, и любить её можно неотвратимо, без огорчений и сомнений малодушных. И если, временно, обессилела душа человека, то душа человечества чиста и сильна. Не смешайте только эту великую душу с душою толпы. Опять помните, если незаметно исчезают культуры целых стран, если сравниваются с землёю величайшие достижения, то одичание приходит совершенно незримо. Равнение по невежеству подходит тайком, ночью при свете пламени. Ещё запомните, что ни наука, ни техника, ни философия не отразят полно душу народа. Её прочтём, лишь отражённую в памятниках искусства. Радость совершенствования разлита во всём творчестве людей, от великих до малейших. И светочами жизни стоят творения.

И мы творений духа временные стражи. Пусть будет ближайшим условием уравнивания радости духа анонимность творчества. Вспомним чудесные скульптуры Египта и Греции. Вспомним изделия старого Китая, поражающие какой-то нерукотворностью. На них уже непонятные надписи. Замолкнувшие навсегда имена. Наконец, обратимся к увлекательным анонимным примитивам, часто с ярлыками, приклеенными лишь чьим-то тщеславием. Авторы этих творений не оставили нам имён своих. Они, видимо, и не стремились к этому. Ими руководили иные задачи. Они дали творения народу и стали творениями народа. Разве произведения стали хуже от их анонимности? Разве кому-нибудь, кроме торговца, нужно определённое имя выше художественного смысла картины? Пустой звук. Отошедший в забвение пустой набор букв. Необъяснимое клеймо.

Подумайте об анонимности творчества. Это не выдумка, а условие вполне жизненное. В нём ещё одна ступень возвеличения духа за преходящими пределами дня. В нём ещё шаг в ускорении мечты человечества. Или все радости должны быть уничтожены? И тогда не нужны и возвеличения духа.

Но без радости духа отбрасывается и весь смысл существования в этой жизни.

Ближайшие условия творчества: внешняя анонимность и внутреннее одухотворение. Не этими ли признаками возросли творения древности, дошедшие до нас через все бури веков?

В искусстве, в великом сердце народов с чуткостью и прозрением отражается всё грядущее. И тем справедливее народам на всех ступенях развития искусство сбереечь и возвеличить.

Биение великого сердца предсказывает. Бурные и терпкие искания. Стремления символизма, со всеми высокими взлётами и падениями.

Всеобобщающий, технический кубизм. Мятежный футуризм. Эклектическое всячество. Все виды синтетической живописи. Всё, к чему отнеслись и здравые, и только под знаком насмешки. Всё это показательно. Всё это преддверия. И последовательность как чутка! Наметятся и новые пути искусства. Кроме широкой, всепроникающей народности, в искусстве опять отразятся символы будущего. Скажем проще.

За последние дни учител[я] напомнили нам о путях духа. Учителя знали, что наступает время великих исканий. Это время должно быть возглавлено выявлением духа. Та же глубина духа отразится и в искусстве, впитавшем все красоты техники. Не мудрование, не рассказ, не подчинение, а грядёт одухотворение. Одухотворение всех вещей. Жизнь — всюду.

Конечно, для высокого духа не пусто слово «братство». И для безмерной, ещё неосознанной просвещённости возможны равенство и единство.

Единство — высшее одухотворение всего существующего.

Но к самым священным словам, к самому заветному, святому месту человечества могут приближаться люди очистившиеся, омытые трудным потом подвига жизни. Всякая личная выгода, личное возвышение около священного места — преступно и отвратительно. Зовите подвиг. Всякая злоба, твержу, и звериность устремлений — губительна для претворения в тело мечты человечества. Всякий подходящий пусть спросит себя, спросит наедине, спросит грозно, может ли он попытаться подавить злобу в себе?

Если сознается себе самому, перед страшным, молчаливым вопросом, то пусть отойдёт и тащится в грязи условностей человеко-звериного существования.

Лишь подвигом деятельным мечта претворится в жизнь. Мечта великая и мирная требует и подвиг великий и мирный. Не изгоняйте мечту, звероподобные, злые в незнании своём! Откуда умирится злоба, если знание не увеличится? Откуда ширина горизонта, если глаза повязаны кровавой завесой? Ещё прежнюю звериною тропую идёт человечество. Где же ему уловить мечту самую чистую, самую свободную. Слепорождённый не знает, что есть свет. Не ведает раб рождённый свободу.

Помните индусское учение о связанных душах.

Души связанные. Души, ищущие свободу. Души свободные. Души вечно свободные. Обратите внимание.

Мудрый говорит, что между связанными и свободными душами ещё стоит целая ступень, резко ограниченная, - души, ищущие свободу. Даже эта душа ещё далека от четвёртой степени. А многие по невежеству, по дикости воображают, что всё может стать доступным сразу. — Без сосредоточения, очищения, освобождения духа. И души, пригодные для единства, то есть третья ступень, как далеки они от злобы, лжи, убийства, грабежа — всего того, что царствует теперь.

Ни злоба, ни невежество, ни своекорыстие развязать их не могут. Не освободят их слова. Хотя бы заклиали их целым словарём добра.

Не отречение, не отказ, не отдача, но действительное благо, добро живого подвига — труда, откроют темницы, опечатанные ложью и злобою. Братья, возлюбите знание и красоту.

Духотворчество должно прийти. Иными путями не прийти. Надо восстановить духотворчество. Вспомнить о водительстве духа. Но как отличить водительство духа? Где он, дух? Где Пути его? Мы забыли и утратили его физическую ощутимость. Забы-

ли к нему обращение. Всякое неизвестное толпе явление, хотя бы оно относилось к явной астрофизике, или биологии, или иной науке, всё-таки будет под знаком сомнения и насмешки. Так легко отрицать и смеяться не зная! Так легко толковать о точной науке, не желая понять, что пределы её безмерны. Забывая, что чувства наши сейчас особенно ограничены, Забывая, что при нашей технической культуре опущено многое, уже открывавшееся не однажды.

Завеса между видимым и невидимым сейчас не становится ещё прозрачнее.

Но пути неоспоримы. В поисках духа возникнет духотворчество. И сделает оно дух осязаемым даже для нашего грубого ощущения.

Оборачиваясь к провозвестиям древности, зная, что самые отвлечённые пророчества чудесным путём ковали новую жизнь, мы обернёмся и к древним знакам духа. Придёт духотворчество. Опять легко смеяться. Легко утверждать, ничего не зная. Особенно легко нам, живущим в полуграмотной стране. Срам-то какой! А если бы каждый грамотный обучил двух неграмотных, то величайший позор отошёл бы в область преданий.

Но никакая темнота не угасит духа. Посмотрите опять на толпы. Во зле друг другу вредящие. Не может так продолжаться.

Спешим от града до града. Слышен грохот тяжело обитых ворот. По каменному полу стучат спешные шаги. Одинокие. Нетронутые недра. Знания мало. Всегда будем помнить, что мы знаем мало. Вступая в тень, встречая ночь, вспомним, что узнали нового. В чём поднялись? Не знаем. Не чувствуем. Изыщем пути.

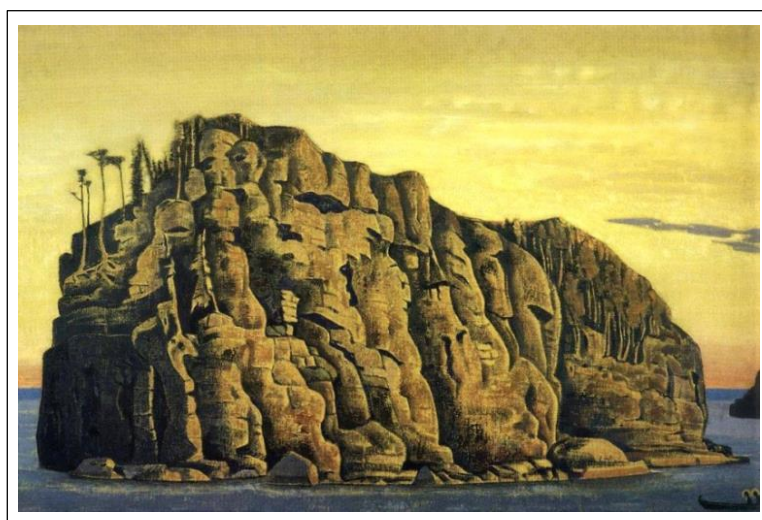
На побережье бесчисленны серые камни. Валуны. Прошедшие объятия волн. На гребне волны вознесённые. Уравненные. Вскройте их. Молотом оживите. В них аметисты, топазы, гиацинты. Кристаллы сверкающие. Отложения десятков тысячелетий. Испытайте. Ищите.

Разбили? Гранит? Опять шпат и кварц? Все камни простые? - Не отчаивайтесь. Верьте. За ночь паук уже переплёл нашу дорожку тонкими нитями... Но разве крепки они?

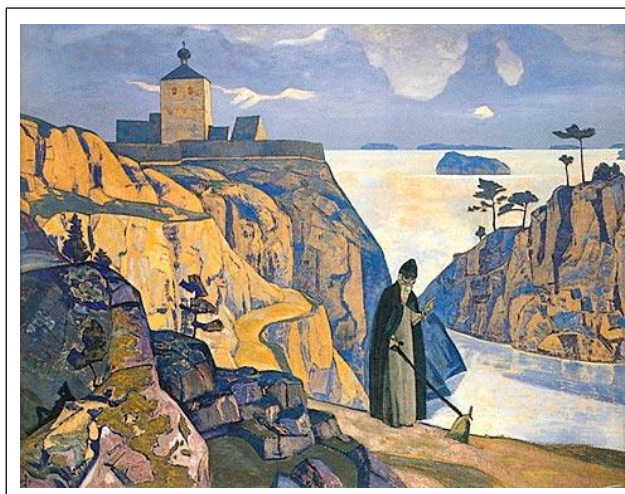
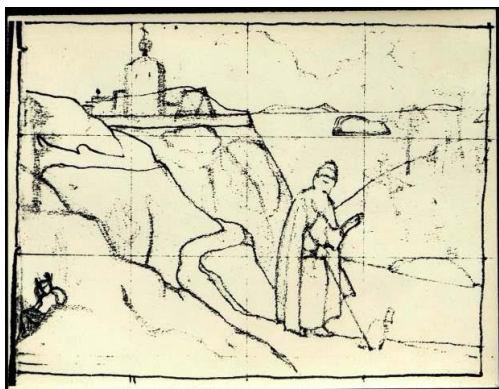
А сколько из птиц перелётных отдадут жизнь за один перелёт? За один перелёт в край чудесный.

Залив Единения. 1917. 15 октября.

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк. Рукопись.

Н.К. Рерих. Святой остров. 1917.

Н.К. Рерих. Святое озеро. 1917.
Слева: эскиз композиция картины.

«Лето 1918-го — на острове Тулола среди разнообразных шхер ладожских. Поездка на Валаам. "Святой остров" (кажется, он теперь в Русском Музее). Россияне мало знали Ладогу!...» (Н.К. Рерих «Финляндия».)

**16 октября 1917 г. Петроград.
Письмо С. И. Метальникова к Рериху Н. К.**

Многоуважаемый Николай Константинович,
Очень был рад получить Ваше письмо и узнать, что Вы так сочувственно и горячо отнеслись к идее устройства в Ливадии Университета и «Дома искусств». Я не мог ответить Вам тотчас на Ваши вопросы, так как ждал сведений из Ялты, где образовалось из местных общественных деятелей особое общество для проведения этого про[е]кта в жизнь. Вчера приехала из Ялты особая делегация, и мне сообщили, что город и земство точно так же отнеслись очень сочувственно к этой идее и ассигновали даже некоторые средства. Правительственный Комиссар, заведующий Царскими именами, также сочувствует этой идее и сообщил нам, что готов немедленно передать некоторые помещения и дворец для этой цели. Собственно, большинство имеет в виду, главным образом, Университет. Я же и многие другие общественные деятели Ялты именно хотят соединить Университет (дело идёт только об одном естественном или философском факультете пока) с Домом Искусств.

Сегодня я иду с делегацией в Уделы, чтобы говорить там с главным Комиссаром и через него с Временным Правительством об уступке помещений Ливадии для нашей цели. Вот всё пока, что я могу сообщить Вам об этом деле.

Я также очень радуюсь схождению наших путей, тем более, что я всегда страстно любил искусство. Скажу откровенно, вначале я мало понимал Ваше художественное творчество, но теперь я всё более и более начинаю его понимать и любить.

С искренним уважением,

С. Метальников

16 Октября 1917 г.
Английский пр., 32. Петроград.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма на бланке Петроградской биологической лаборатории.

16 октября [1917 г.]

Письмо И.М. Степанова к Рериху Н. К.

16 окт. 7 ч. веч.

Дорогой Николай Константинович.

Сейчас мне сообщил по телефону Степан Петрович, что Руманов обиделся на то, что я не послал ему полной доверенности на ведение дел Общества. Дело было так: Ст[епан] Петр[ович] передал мне от имени Руманова *бланк* доверенности, которая начинается с предоставления права на залог, продажу и проч., и проч. имущества доверителя. Для какой надобности был прислан этот бланк, для формы или подписания я не знаю, но Ст[епан] Петр[ович], Д. И. Верещагин и В. А. Щавинский пришли к заключению, что такую доверенность можно дать только с ведома общего собрания. Впрочем, я, как Секретарь, доверенности дать и не мог и ещё до заседания выписал с присланного бланка доверенность по данному делу и за две недели до слушания дела послал при письме Руманову и просил внести какие нужно поправки (хотя бы и полную до[веренность], если она ему необходима) и дать мне указания. Ответа не получил. 6 Октября я писал ему и просил сообщить, в чём дело. Ответа не получил. 13 Октября (накануне слушания дела) послал подлинное постановление об уполномочии его на ведение дела. Ответа не получил.

В заседании, на котором А[ркадий] В[ениаминович] не присутствовал, я докладывал дело, и Комитет решил выдать доверенность по данному делу. Сраду же я составил постановление и дал к подписи Членам. Как я мог поступить иначе, не знаю.

На всякий случай считаю необходимым сообщить Вам об этом.

Душевно преданный,

Ив. Степ[анов]

Я хотел бы знать Ваше мнение, дорогой Николай Константинович, допустимо ли такое отношение Руманова. Казалось бы, это не вытекает из долга вежливости к человеку старше его по возрасту.

Пищу Вам голую истину совершенно искренно, т. к. только совершенно искренно и прямодушно я могу вести работу в Обществе Поощрения. Иначе работа была бы невозможна.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

16 октября 1917 г. Петроград.

Письмо С. И. Метальникова к Рериху Н.К.

Многоуважаемый Николай Константинович,

Очень был рад получить Ваше письмо и узнать, что Вы так сочувственно и горячо отнеслись к идее устройства в Ливадии Университета и «Дома искусств». Я не мог ответить Вам тотчас на Ваши вопросы, так как ждал сведений из Ялты, где образовалось из местных общественных деятелей особое общество для проведения этого проекта в жизнь. Вчера приехала из Ялты особая делегация, и мне сообщили, что город и земство точно так же отнеслись очень сочувственно к этой идее и ассигновали даже некоторые средства. Правительственный Комиссар, заведующий Царскими имениями, также сочувствует этой идее и сообщил нам, что готов немедленно передать некоторые помеще-

ния и дворец для этой цели. Собственно, большинство имеет в виду, главным образом, Университет. Я же и многие другие общественные деятели Ялты именно хотят соединить Университет (дело идёт только об одном естественном или философском факультете пока) с Домом Искусств.

Сегодня я иду с делегацией в Уделы, чтобы говорить там с главным Комиссаром и через него с Временным Правительством об уступке помещений Ливадии для нашей цели. Вот всё пока, что я могу сообщить Вам об этом деле.

Я также очень радуюсь схождению наших путей, тем более, что я всегда страстно любил искусство. Скажу откровенно, вначале я мало понимал Ваше художественное творчество, но теперь я всё более и более начинаю его понимать и любить.

С искренним уважением,

С. Метальников

16 Октября 1917 г. Английский пр., 32. Петроград.

Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк.

19 октября 1917 г.

Письмо Н. К. Рериха к Яремичу С.П.

Петроград. Морская, 38. Музей.
Степану Петровичу Яремичу.

Дорогой Степан Петрович, очень рад был получить о Тебе вести и сожалел, узнав, что Ты болел. Спасибо за все дружеские наименования, которые Ты мне дал в беседе с моей женой. Составляю *три версии реформы*. Одна из них или комбинированная из двух ответит запросам дела. Черкни мне, кому Ты приписываешь портрет у меня в зел[ёной] комнате. Я думаю Mytens, тот, который в Швеции работал, а гризаль де Витте. Привет И[вану] М[ихайловичу] и В[асилию] А[лександровичу]. Сердечно Твой

Н. Р.

19 окт 1917.

Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 7, оп. 1, д. 375, л. 30–30об. Автограф открытого письма. Штемпель в Сердоболе неразборчив.

20 октября 1917 г.

Письмо Н. К. Рериха к Руманову А.В. (Копия)

1917. 20 окт. Петроград, Морская 35, Руманову.

Обеспокоенный делом Крачковского, прошу, сообщите, как ускорить получение наследства. Боюсь большого ущерба желаниям жертвователя. Письмо следует.

Душеприказчик Рерих

ЦГИА СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1587, л. 42. Копия телеграммы, написанная рукою Н. К. Рериха.

20 октября 1917 г. Сердоболь.
Письмо Н. К. Рериха к Степанову И.М.

Иван Михайлович.

Спасибо за Ваше доверительное письмо. Я сам всегда ищу искренность, и только на почве доверия можно работать. Когда приеду, мы выясним и побеседуем близко. Делом Крачковского я очень всё время встревожен. Говорят, что восстановление уничтоженного требует много времени. Сейчас я послал ещё депешу. Копию присоедините к делу.

Занимаюсь проектом «Свободной Академии». Предоставлю три версии. Очень хорошо, если Вы займётесь пока проектом исторической справки. Материалы к ней:

1) Исторический очерк «75 лет Школы» - он имеется в Библиотеке и в складе.

2) Мои записки, присоединённые к протоколам Комитета за последние годы, с 1912 г. В них указан и размер нашего дела, и вся трогательность того, что частное общество положило столько духовного интереса на всенародное просветительное учреждение. Даже лучше, если историческая справка будет составлена не мною самим. Бесстрашный голос историка тут нужнее.

В очерке имеется и отзыв Министерства Торговли.

Приехать мне сейчас, при такой сырой погоде, было бы губительно. Ведь теперь если остаётся что, то это руки и здоровье. Как станет снег, так и приеду; и всею душой буду рад заняться близким делом.

Привет нашим друзьям!

Искренно Ваш

Н. Рерих

20 окт. 1917.

Сердоболь.

Я слышал, что Ст[епан] Петр[ович] был нездоров. Что это? Надеюсь, не опасно. Пусть бережётся. Моя квартира — в его распоряжении.

Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 873, И. М. Степанов, оп. 1, д. 4, л. 11-12. Автограф письма.

21 октября 1917 г. Петроград
Письмо И.М. Степанова к Рериху Н. К.

21 Окт. 1917.

Дорогой Николай Константинович.

Вчера, по настоянию нашего казначея, собрались для обсуждения вопроса о финансовом положении Школы: Д. И. Верещагин, В. А. Щавинский, Ст[епан] Петр[ович] и я. По подсчёту выяснилось, что дефицит к концу 1917/18 уч[ебного] года по школе выразится в сумме более 91 000 р., при условии, что преподаватели не получают ни гроша прибавки. Необходимо просить об увеличении субсидии Министерство Торговли и Промышленности, Городское Общественное Самоуправление и Уездное Земство. Решили просить Вас составить коротенькую записку о значении школы и недостатке средств.

Сейчас вернулся из Канцелярии Временного Правительства, спрашивал у знакомого чиновника, как составить представление о штатах новой школы и

постоянной субсидии (законодательной). Мне сказали, что нужно составить коротенькую, совершенно официально написанную историю школы, её значение и проч. и заключительную часть о том, чего желает от Правительства Общество Поощрения Художеств, т. е. просит об утверждении штатов и субсидии (думается, ежегодно 100 000 руб.). Проект представления, прежде всего, нужно представить на заключение Государственного Контроля и М-ва Финансов.

На днях собираем заседание Комитета и доложим финансовое положение школы и какие от того могут быть последствия.

Пишу Вам всё, что у нас происходит.

Душевно Вам преданный

Ив. Степанов

Надо бы переписать это письмо, но тороплюсь на почту. В 4 ч. закрывают.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

22 октября [1917г.]

Письмо А.А. Рылова к Рериху Н. К.

22/X. Воскресенье.

Вчера я был в Школе. Из преподав[ателей] был только ещё Дмоховский. Учеников мало. Настроение на улицах тревожное, была стрельба, магазины в 4 часа стали закрываться ставнями и щитами. Под Петроград[ом] идёт бой с войсками Керенского.

Сегодня с утра слышалась стрельба.

Что будет, Бог знает!

Целую тебя.

Аркаша

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

23 октября 1917 г. Петроград

Письмо И.М. Степанова к Н. К. Рериху

23/X, понедельник.

Дорогой Николай Константинович.

В письме, посланном Вам в субботу, забыл написать, что коллективное письмо вызвано было докладом казначея о том, что передержка по смете 1917/18 г. выразится в сумме более 91 000 р., и мы имели в виду в Вашем присутствии обсудить создавшееся положение Школы, при котором мы платим преподавателям от 40 р. в месяц, на что Вы неоднократно обращали внимание. Загородные же преподавате[ль]ницы получают содержание, равное расходам на трамвай. Поэтому в ближайшее заседание (в четверг 26-го) вносится доклад о необходимости сокращения числа преподавателей и об увеличении содержания загородным преподавателям вдвое. Эта мера, переходная к новой Школе.

На днях, при переговорах с Берг[г]ольцем об увеличении платы за лишние дни выставки, он довольно твёрдо заявил, что по окончании выставки сряду же внесёт задаток на будущий год, как это он делал раньше. Но и я твёрдо ему заявил, что не могу распорядиться принять задаток до рассмотрения этого заявления Комитетом, от которого только и зависит дать разрешение. Этим

Берг[г]ольц был крайне удивлён, и затем мы мирно разошлись по своим местам.

Вот пока текущие наши вопросы.

Поберегите себя. Не торопитесь сюда. Ваше здоровье важнее очень многого. Душевно с Вами,

Ив. Степанов

Сейчас получил прошение Зарубина, в котором он просит вновь пенсию по болезни. Также единовременное пособие из сумм Общества.

Какое горе, ведь нет его дела в канцелярии, нет и формулярного списка. Кроме того, для пенсии по болезни нужно много формальностей, а с ним трудно говорить. Я пробовал. В законе указаны, кто [по] обществу имеет право на пенсию: только Директор и преподаватели. Да ведь он был преподавателем два-три года, а Секретари, Педаго[гический] Совет и Комитет лишены права на пенсию.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма. Есть помета Рериха: Получено 10 Ноября 1917.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

НАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ

Во второй половине 1917-го года к нам в Финляндию начали приезжать друзья и сотрудники. Приезжала Добычина за картинами, ибо всё время на них увеличивался спрос по очень крупным ценам. И Арбенин тоже просил картин, — жаль, что он скоропостижно умер, и расчёты с ним все обрушились. Приехал и Химона от Совета и учащихся Школы. Были настойчивые приглашения и даже требования как можно скорее вернуться, ибо все сочувствовали моему проекту преобразовать Школу в Народную Академию. Передавали также о моей кандидатуре в министры изящных искусств. Но нездоровье — несноснейшая ползучая пневмония — даже и в прекрасном климате Карелии всё ещё давало себя чувствовать. Хорошо, что после 50 лет всякие лёгочные невзгоды потом прошли. Говорят, что это обычное явление. Но во второй половине Ноября я всё же поехал для обсуждения Народной Академии, которая уже с давних времён была мне близка.

.....

Публикуется по изданию: Рерих Н. К. «Листы дневника», т. 3. М., 1996.

24 октября 1917 г. Сердоболь.

Проект Н.К. Рериха реформы Школы Общества поощрения художеств.

СВОБОДНАЯ АКАДЕМИЯ

Комитет Всероссийского Общества Поощрения Художеств обратился ко мне:

1) с извещением о заслушании моего письма от 5-ого Октября о необходимости обсудить вопрос о положении Школы и гонорара преподавателей при создавшихся исключительных условиях.

2) с просьбой «принять на себя работу по составлению проекта реформы Школы Общества на совершенно новых началах, конструируя Школу при условии увеличения платы с учащихся с уменьшением числа преподавателей».

Исполняя просьбу Комитета, представляю следующие соображения о преобразовании Школы Общества:

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Веление искусства: полное восстановление начала единства искусства. Полное сотрудничество мастерских так называемого чистого искусства и мастерских прикладных. Сохраняя принцип единства искусства, наше учреждение всегда будет занимать особо значительное место, будет оставаться на гребне волны. Оно ещё раз исправит общую ошибку, отделившую отрасли единого искусства друг от друга. Исправит нелепую постановку дела, отдаляющую торжество общенародности искусства.

Знаем, что душу народа выражает не наука, не философия, не техника. Лишь памятники искусства выражают глубокое понятие — душу народа. И тем искусство всегда будет народным. И если мы верим в грядущую культуру духа, мы знаем, что скую ступени этой светлой культуры искусство общенародное, углублённое творчеством, ставшее насущным для всей жизни государств.

Праздник духа, торжества искусства придёт. Этот призыв, это заклинание твёрдо повторим в дни войны и смятения.

Требование жизни: обращение к принципу мастерской после подчинённого, скользящего понятия переходного класса. Класс с формальными отличиями отметок и перехода всегда далёк от углублённой черновой работы в преддверии искусства. Только длительная работа в свободно избранной отрасли искусства под ближайшим руководством мастера возглавит подлинное приближение к искусству живому. Даст приближение к трудовому творчеству, строгому, углублённому, которое создаст радость духа, общую всем векам и народам.

Уже с 1913 года я постоянно выдвигал в нашей Школе идею свободных художественных мастерских. Суровые условия жизни постоянно отдаляли эту мечту за недостатком средств. Уже удалось открыть в Школе Архитектурную мастерскую, первую в предположенном ряду, но и её через год пришлось прервать по тем же материальным соображениям. Теперь снова властно выдвигается необходимость пересмотра всего Школьного уклада. Конечно, при наличии крупных средств и предполагавшегося нового обширного здания (не выполненного лишь по условиям войны) можно было думать о сохранении всей основной Школы и о возглавлении её целым рядом свободных мастерских, о чём я неоднократно представлял Комитету.

Но теперь, при изменившихся условиях, при непомерном вздорожании всей жизни, все наши сметы опрокинуты и наши сметные предположения из скромных сделались нежизненными по своей ничтожности. Оценивая, здраво и бесстрашно, положение нашей Школы, мы будем совершенно правы, полагая, что лишь путём преобразования можно вообще сохранить так ценное для всех нас понятие Школы Искусства. Искания новых форм дела тем легче для нас, что вполне возглавленный принцип свободных мастерских — «Свободной Академии» — нами уже был не только неоднократно обсуждаем в Педагогическом Совете и Комитете, но и вполне принят. Если мы не можем добавить к полному прежнему составу дела понятие «Свободной Академии», то ясно, что именно в пределах этого начала должны находиться наши настоящие утверждения. Но, терпя несчастья со стороны материальной, мы должны получить достаточную сметную обоснованность. Только утвердив материальную сторону настолько, чтобы она не препятствовала учебному плану, мы можем уверенно приняться за новую версию нашего дела. И при основах свободных и независимых, при работе не за страх, а за совесть, при сотрудничестве лиц, проникнутых строгою любовью к искусству - возможен рост нашего любимого дела.

В многообразии ценных форм искусства трудно установить идеологически обоснованное число желательных мастерских. Сама жизнь может исправлять и заполнять эту задачу. Мы же, в конкретных условиях, можем исходить из существующего, применяя и изменяя наше, сложенное долгим временем, положение Школы. И в

этом будет сохранение наших традиций, всегда у нас бывших свободными и чуткими к велениям искусства.

Возьмём наименьшее. Примем для начала десять мастерских. Пять мастерских чистого искусства и пять прикладного.

Три мастерских живописных. Одна скульптурная с лепным отделом. Одна архитектурно-декоративная, т. е. сочинения рисунков с отделом съёмки с натуры.

Пять мастерских прикладных: 1. Декоративная. 2. Столярно-резчицкая. 3. Графическая с отделом литографии. 4. Рукодельно-ткацкая. 5. Керамическая с отделом фарфора. Для занимающихся в прикладных мастерских и вольноприходящих должны быть сохранены 4 орнаментно-рисовальных и фигурных отдела, и живопись «натюр-морте», и уроки черчения (может быть, включённые в архитектурно-декоративную мастерскую).

Кроме того, необходимы общие лекции по истории искусства, анатомии и перспективе.

Должен быть сохранён курс педагогики, который за два года существования показал, какое серьёзное внимание учащихся он привлекает.

В полной мере должны быть сохранены наши пригородные Отделения, - эти живые рассадники художественно-технического просвещения среди фабрично-рабочего подрастающего поколения. Рисование, черчение, основы сочинения рисунков и начальная техника красок совершенно заслуженно оцениваются управлениями заводов и существенно способствуют увеличению заработка для окончивших наши отделения. Но кроме практической стороны мы, строители жизни искусства, знаем, какое огромное духовное значение заключается в наших просветительных отделах для культуры рабочего контингента. При бесплатности и широкой доступности наши Пригородные Отделения поистине украшают идейную сторону нашего учреждения. Как отдельное, начинание представляется полезным общий воскресный класс, так полезный для учащихся среднеучебных заведений и для лиц, служащих и занятых в будние дни.

Преподавание в этом классе могло бы быть поставлено на началах, так сказать, приват-доцентства. Преподаватели могли бы быть приглашаемы без постоянного содержания, причём плата от учащихся по 1 рублю за урок за вычетом половины за натуру поступала бы в их пользу. Таким путём, не обременяя смету, мы могли бы сохранить установление, очень нужное в смысле начального художественного просвещения в широких слоях населения. При успехе воскресного класса он всегда мог бы быть увеличен за счёт каникул или прибавления часов.

В отношении основной Свободной Академии рост дела подскажет и целесообразные расширения, и включение новых отраслей. (Вторая лепная мастерская, чеканка, стекло, мозаика, ювелирное дело и пр.) При этом число мастерских может быть увеличиваемо также на основаниях приват-доцентуры.

Перейдём к общим положениям Свободной Академии.

Помним, что наибольшая краткость Устава соответствует наибольшему объёму и жизненности дела, основной Устав Общества, составленный Д. В. Григоровичем, очерчен для своего времени изумительно обширно и свободно. Полный искреннего почтения памяти этого замечательного деятеля нашего Общества, предлагаю всячески сохранять основной Устав и в инструктивном порядке заменить соответственные расширенные понятия.

I. Цель Свободной Академии — способствовать образованию полезных художников в различных отраслях искусства.

II. Во главе Свободной Академии стоит Ректор, избираемый Комитетом Общества из числа известных Художников. Ректор руководит общим художественным направлением Свободной Академии, председательствует в Совете профессоров-руководителей, в комиссиях и частных совещаниях, имеет доклад Комитету, в котором состоит непременно членом, и сносится с приглашаемым учебным персоналом,

а также с учреждениями и должностными лицами. (По представлению Ректора может быть избираем Проректор, заменяющий в случае отсутствия Ректора.)

III. Для заведывания хозяйственно-административной частью Академии Комитет избирает из числа кандидатов, представляемых Ректором, Заведующего Мастерскими. В ведении Заведующего Мастерскими находятся все дела учащихся, выдачи билетов, приём платы учащихся (передаваемой в Кассу Общества) и текущие хозяйственные дела учреждения.

IV. Должности Ректора и Заведующего Мастерскими не совмещаемы с прочими должностями по Свободной Академии.

V. Для заведывания Канцелярией Свободной Академии избирается Комитетом по представлению Ректора Секретарь, состоящий в непосредственном ведении Ректора.

VI. Профессора-руководители избираются Комитетом Общества из числа кандидатов, представляемых Ректором. Кандидаты, предварительно избранные Комитетом, обсуждаются по представлению Ректора в Совете Свободной Академии.

VII. Совет Свободной Академии, ведающий всеми делами Академии и представляющий через Ректора свои постановления на утверждение Комитета, состоит из: профессоров-руководителей (10), Заведующего Мастерскими, Секретаря Совета под председательством Ректора. Кроме названных должностных лиц, Совет Академии может избирать Почётных Членов Совета из числа лиц, оказавших особые услуги (учреждению) (искусству).

VIII. Кроме Совета, созываемого председателем по мере надобности, в начале учебного года и весной перед отчётною выставкою созывается особый пленарный Совет с участием всех прочих преподавателей, лекторов и заведующих Отделениями Школы.

Вне заседания Совета могут быть созываемы частные совещания профессоров и преподавателей по группам для ближайшего обмена мнений о программах и характере занятий.

IX. Принятие в мастерскую учащихся производится профессором-руководителем.

X. Программа занятий в мастерской составляется профессором-руководителем и представляется им на суждение Совета профессоров-руководителей. В основу 4-х летнего курса мастерских полагается объём практического прохождения избранной отрасли, достаточный для самостоятельной полезной работы. После 4-х летнего курса с разрешения профессора-руководителя желающие могут совершенствоваться в течение не более ещё 4-х лет.

XI. Композиционная часть прикладных мастерских устанавливается мастерскою Архитектурно-Декоративной.

XII. В течение учебного года мастерские являются самостоятельными, но на годовой выставке Совет высказывает своё суждение об успешности работ.

Примечание к пункту XII-му:

Каждая мастерская является обособленной организацией, поэтому:

- 1) Профессор-руководитель приглашает остальной персонал мастерской,
- 2) Профессор-руководитель предоставляет учащимся мастерской избрать старосту для облегчения постоянных сношений с руководителем по делам мастерской. Староста приглашается руководителем на заседания Совета с совещательным голосом по работам учащихся и с полным голосом по избранию кандидатов профессором-руководителей.

В мастерских прикладных, кроме прохождения курса производства, обращается внимание:

1. В графической мастерской, заботясь о возрождении дела художественной литографии, могут быть приглашаемы известные художники для исполнения отдельных литографий. Принимаются заказы на плакаты, иллюстрации и пр.

2. В керамической мастерской обращается внимание на изучение реставрации фарфора. Достигается хорошая техника массы и обжига. Принимаются заказы на серии художественных предметов.

3. В столярной мастерской принимаются заказы на сочинение и изготовление мебели, рам и резных предметов.

4. В Декоративно-малярной мастерской, кроме стенных украшений и разнообразной уборки стен, принимаемы заказы на художественные плакаты и вывески.

5. В ткацкой мастерской особое внимание обращается на тонкие художественные швы и на гобеленовую ткань в строгих, применимых к об[и]ходу, стилях.

Во всех мастерских руководители ведут книгу заказов по прежнему образцу.

Медали, если Комитет найдёт нужным сохранить эти внешние отличия, можно оставить в прежнем размере, но распространив их на все мастерские. Аттестаты, без гражданских прав, выдаются Советом.

Желательно исходатайствовать отсрочку по воинской повинности и право льготного проезда по железным дорогам.

При ознакомлении с прилагаемой сметой надо иметь в виду следующие соображения: Следует помнить, что приём учащихся с согласия профессора-руководителя (чем и отличается система мастерской от переходного класс[а]), несомненно углубляя дело и поднимая уровень лиц, посвящающих себя искусству, не может способствовать чрезмерной численности учащихся. Если при особо лёгком доступе в низший класс мы имели в текущем году 360 записавшихся лиц с платой 60 рублей в полугодие, то можем ли мы сразу включить в смету 600 учащихся с платой по 150 руб. в год (т. е. по 20 р. в месяц). При установлении нового состава учреждения приходится иметь в виду не только все преимущества, но и все опасности. Среди статей сметы самым неустойчивым местом является плата учащихся. Устанавливая плату по 20 рублей в месяц, Общество всё же идёт впереди прочих частных мастерских, где плата от 30 до 50 рублей при работе лишь с натуры. Но, предполагая в смете сразу 600 платных учащихся, мы можем при начале дела оказаться неправы, ибо, если со временем, при развитии интереса к искусству, и это количество окажется малым, то первое время, мне кажется, на него трудно рассчитывать и потому и первую смету включаю 425 учащихся (при 130 бесплатных). При этом более 60 человек в одной мастерской при одной натуре заниматься не могут, а постановка двойной натуры сразу обременит бюджет значительной цифрой. С другой стороны, расходные статьи уменьшены быть не могут, если только вздорожание жизни не упадёт в значительной мере. Кроме двух, трёх сравнительно мелких цифр не представляется ни одной отдельной статьи расхода, которая, будучи отсечена, сразу представила бы значительное облегчение. Может ли быть сокращена керамическая мастерская? Но она всегда привлекала значительное число учащихся, превышающее число учащихся в некоторых других мастерских, поэтому временно приостановить эту мастерскую значило бы не только лишиться 3000 рублей специальной субсидии, но и уменьшить число поступлений в Школу. (В этой мастерской число занимавшихся колебалось от 50 до 70 человек.)

Наличность иконописца в декоративной мастерской обусловлена только размером субсидии, выдаваемой на этот предмет.

Хотелось бы, кроме механических мертвящих урезок, охранить равновесие сметы каким-то обстоятельством вне педагогических соображений, условием, поставленным прочно и позволяющим спокойно углубляться в идейную работу без острой боязни за ближайшее существование.

Следует, прежде всего, ещё просить Правительство о субсидии. Правительство, заботящееся о расцвете творческих сил народа, не должно отказать в этой просьбе. Но если бы, к ужасу, забота о развитии творческих сил народа не оказалась насущною, то может быть ещё одно героическое средство. Сдать за крупную сумму часть помещений в доме Общества по Мойке, сжав Академию в размере 9-ти мастерских

(сократив ткацкую мастерскую). При накоплении средств в будущем Академия может вновь расширяться. При сокращённом проекте сохраняются и пригородные отделения, и воскресный и подготовительные классы.

Если Комитет окончательно остановится на проекте Свободной Академии с подготовительными классами, с пригородными отделениями и воскресными классами, то необходимо подумать о преподавателях, чтобы сохранить опытные силы в новой организации. Очень приятно, что классы и воскресный отдел, широко поставленный, сразу получают хорошее руководство благодаря наличному персоналу Школы.

Таким образом, мы имеем три пути:

1. Школа во всех прежних размерах, возглавленная мастерскими.
2. Свободная Академия только с пригородными отделениями.
3. Свободная Академия с подготовительными классами, с пригородными отделениями и с воскресными классами.

Избрав один из путей этих, надо установить и время введения преобразования. Надо думать, что ранее начала будущего учебного года, совпадающего с возобновлением условий на сдаваемые помещения в доме Общества, нельзя приступать к новому делу, тем более что и вопрос субсидий должен быть вырешен заблаговременно.

Но, прибегая к испрошению Правительственных средств, надо всеми силами души помыслить, следует ли приобрести объём учреждения путём подчинения министерству или же сохранить учреждение хотя бы и в меньших размерах, но зато свободным, растущим самостоятельно. Второе предположение ближе свободным традициям нашего Общества. Испрошение субсидий должно быть сопряжено с гарантией свободного развития учреждения.

При этом представляю три сметы. Одну на большой план Академии с испрошением новой субсидии в 62 000 рублей. Другую сокращённую, на 9 мастерских, при условии прежней субсидии и с отдачей внаймы помещений в доме Общества. По второй смете рукодельно-ткацкая и иконописная мастерская могут быть на основах приват-доцентства. Третья смета — идеализированный план второй сметы.

Кончаю. На какой бы путь мы ни вступили, какой бы новый круг дела ни очертили, прошу об одном, чтобы наше художественно-просветительное учреждение продолжало существовать. Такие очаги искусства, свободные и углублённые, нужны в духовно-культурной жизни нашей Родины.

Н. Рерих

Сердоболь. 24 октября. 1917 г.

Центральный государственный исторический архив.
СПб. Ф. 448, оп. 1, д. 1750-а, л. 54-54об., 56-58об. Машинопись.

24 октября 1917 г.

Письмо И.М. Степанова к Н. К. Рериху

24 окт., вторник.

Дорогой Николай Константинович.

Ваша монография¹ в издании Общины готова, остановка за цветными оттисками, которые в работе, и за обложкой, клише которой не подходит, т. к. пришлось поставить на книгу другую бумагу. Чехонина в городе нет, оригинал обложки у него, и потому придётся сделать набором.

Я затрудняюсь в Ваше отсутствие дать текст о Школе. Вероятно, для общего собрания нужно дать особо от законопроекта, который нужно внести для испрошения кредита и утверждения штатов.

¹ Сергей Эрнст. Н.К. РЕРИХ. Издание Общины Св. Евгении. Петроград. 1918.

Вот какую форму мне преподали в Канцелярии Временного Правительства:
Изложение дела. Время основания существующей школы, история её развития, средства и проч. Польза Общества.

Соображения, по которым Общество пришло к заключению о необходимости преобразования на новых началах соответственно времени, и о новых средствах, которые имеются в виду Общества, и о казённой субсидии.

Справки. Сметы и ресурсы настоящего времени (я приготовлю).

Законы (приготовлю).

Заключение, т. е. что испрашивается:

- 1) штаты;
- 2) субсидия.

Все пункты излагаются коротко и официально.

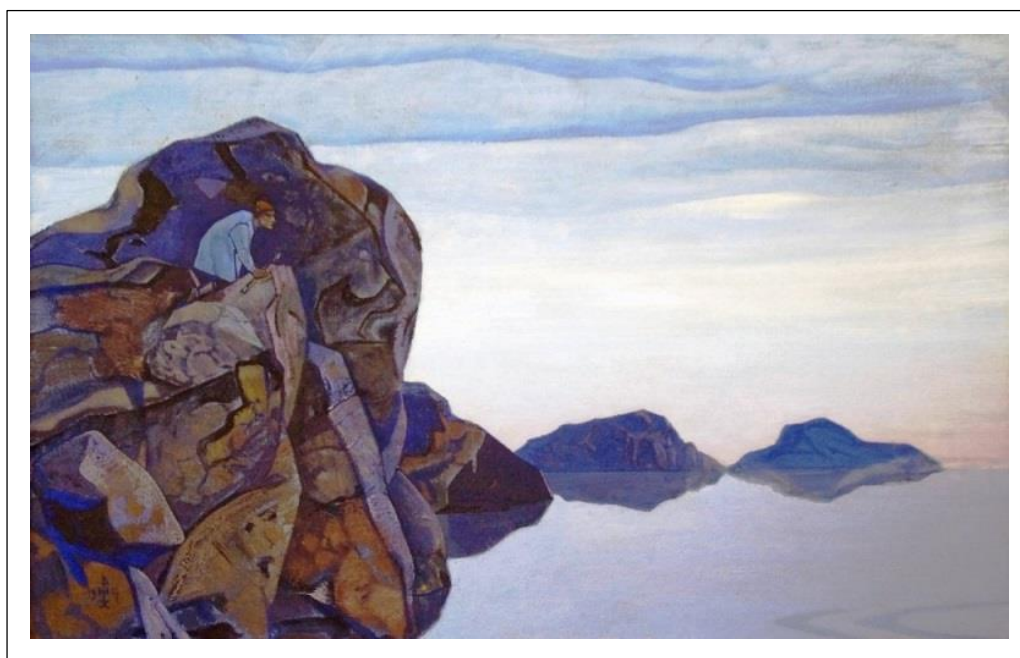
Заседание комитета собираем в четверг, а Вы поправляйтесь. Шлю пожелание здоровья.

Искренно Вам преданный,

Ив. Степанов

Устав перепечатываем заново, исправлять листы не берутся. Нашли дешёвую типографию при помощи Бориса Константиновича.

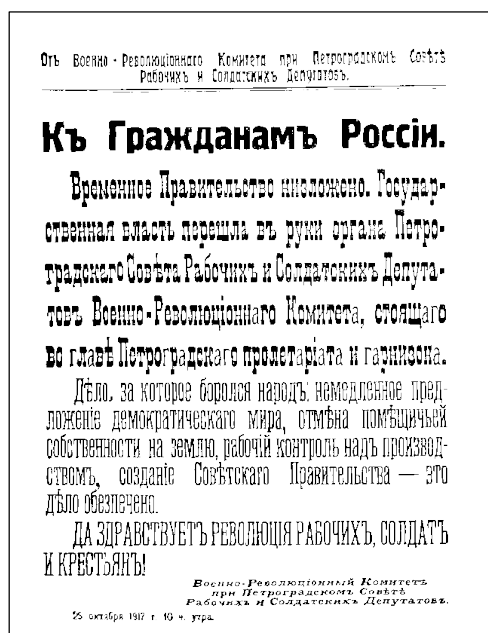
Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

Н.К. Рерих. Стрела. 1917.

25 октября 1917 г. Петроград

**ОБРАЩЕНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА
«К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!»**

Листовка Петроградского военно-революционного правительства. 25 октября 1917 г.

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-Революционного Комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского Правительства – это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-Революционный Комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов . 25 октября/7 ноября 1917 г

Декрет II Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства

Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет:

Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. Заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т.е. Совету Народных Комиссаров.

Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету.

В настоящий момент Совет Народных Комиссаров составляется из следующих лиц:

Председатель Совета – Владимир Ульянов (Ленин);

Народный комиссар по внутренним делам – А. И. Рыков;

Земледелия – В. П. Милютин;

Труда – А. Г. Шляпников;

По делам военным и морским – комитет в составе: В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко;

По делам торговли и промышленности – В. П. Ногин;

Народного просвещения – А. В. Луначарский;

Финансов – И. И. Скворцов (Степанов);

По делам иностранным – Л. Д. Бронштейн (Троцкий);

Юстиции – Г. И. Оппоков (Ломов);

По делам продовольствия – И. А. Теодорович;

Почт и телеграфов – Н. П. Авилов (Глебов);

Председатель по делам национальностей – И. В. Джугашвили (Сталин).

Пост Народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незаполненным.

26 октября/8 ноября 1917 г.

ДЕКРЕТ О МИРЕ

Принятый единогласно на заседании Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября 1917 г.

Рабочее и Крестьянское правительство, созданное революцией 24-25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, – миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, – таким миром Правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель Правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилем, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию – все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета – не предоставляется права свободным голосованием, при полном

выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т.е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, Правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию Правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство объявляет безусловно и немедленно отменным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, Правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров Правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на три месяца, т.е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств, Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии – все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Владимир Ульянов-Ленин

26 октября/8 ноября 1917 г.

ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ

- 1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.
- 2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.
- 3) Какая бы то ни было порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.
- 4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, номер 88, 19 августа 1917 г.).

О земле

Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т.д., отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с высоко-культурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т.под. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землей получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в това-

риществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение 2 лет, сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности, на этот срок прийти к нему на помощь путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т.е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждению, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, причем преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч., должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию, либо по соглашению.

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов.

Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются.

26 октября/8 ноября 1917 г.

Председатель Совета Народных Комиссаров *Владимир Ульянов-Ленин*

ДЕКРЕТ О ПЕЧАТИ

27 октября/9 ноября 1917 г.

В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный революционный комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков.

Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посягнув на свободу печати.

Рабочее и Крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов, захватив в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс.

Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса.

Как только новый порядок упрочится, – всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону.

Считаясь, однако, с тем, что стеснение печати, даже в критические моменты, допустимо только в пределах абсолютно необходимых, Совет Народных Комиссаров постановляет:

Общее положение о печати

1) Закрыванию подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно наказуемого характера.

2) Запрещения органов прессы, временные или постоянные, проводятся лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров.

3) Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни.

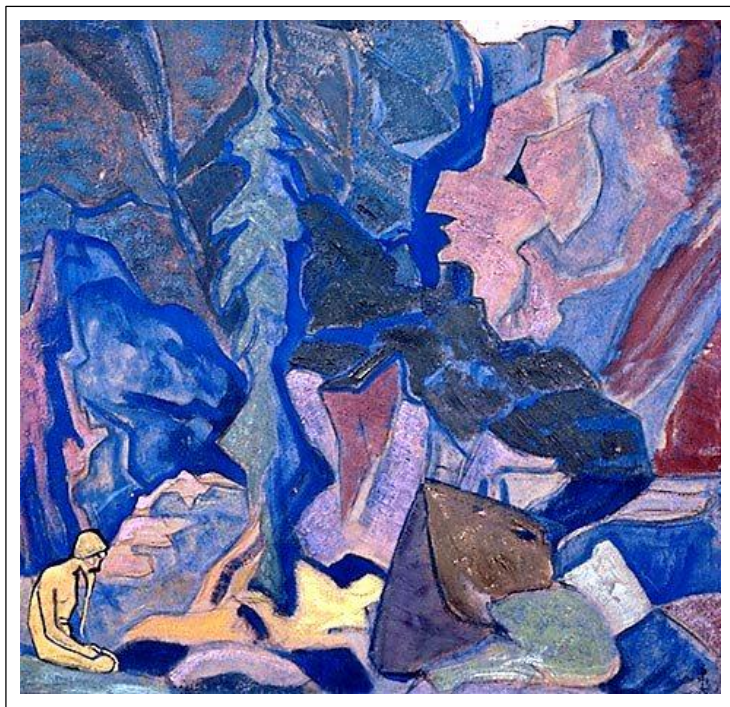
Председатель Совета Народных Комиссаров

Владимир Ульянов-Ленин

<p style="text-align: center;">18</p> <p style="text-align: center;"><i>27 октября (9 ноября). Декрет о печати.</i></p> <p style="text-align: center;"><small>Копия 1 д. ЦГАОР, ф. 1235, оп. 17, ед. хр. 1, л. 9. «Газета» №16 1 и 15, 28 октября и 25 ноября; «Известия» № 209, 28 октября; «Правда» № 171, 28 октября; «Собрание Уставов» № 1, ст. 4; «Протоколы», стр. 6–7.</small></p> <p style="text-align: center;">ДЕКРЕТ О ПЕЧАТИ</p> <p>В тяжкий решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих, Временный революционный комитет вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков.</p> <p>Немедленно со всех сторон поднялись крики о том, что новая социалистическая власть нарушила, таким образом, основной принцип своей программы, посегнул на свободу печати.</p> <p>Рабочее и Крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой фактически скрывается свобода для имущих классов, захватив в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс.</p> <p>Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага в то время, как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса.</p> <p>Как только новый порядок упрочится, – всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону.</p>	<p style="text-align: center;">Считаясь, однако, с тем, что стеснение печати, даже в критические моменты, допустимо только в пределах абсолютно необходимых, Совет Народных Комиссаров постановляет:</p> <p style="text-align: center;">Общее положение о печати</p> <p>1) Закрыванию подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно наказуемого характера.</p> <p>2) Запрещения органов прессы, временные или постоянные, проводятся лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров.</p> <p>3) Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни.</p> <p style="text-align: right;">Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ульянов (Ленин).</p> <p>Петроград, 27 октября 1917 г.</p> <p>См. примечание к № 32.</p>
---	---

Копия документа хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Ф. 1235, оп. 17. Ед. хр. 1.

27 октября 1917 г. Сердоболь.

Н.К. Рерих. Экстаз. Эскиз. 1917.

Я СОХРАНЮ

Подойди, подойди ко мне, Светлый,
Не испугаю тебя я ничем.
Вчера ты хотел подойти,
но бродили думы мои и взгляд
мой скользил. Тебя увидеть я
не мог. Когда ты уже отошёл,
я почуял твоё дуновенье,
но было поздно уже. А сегодня
оставлю всё, что мне помешало.
Мысли я погружу в тишину.
В радости духа прощу всем
досадившим сегодня. Спокойным
я остаюсь. Мне никто не мешает.
Звуки жизни случайной меня
не тревожат. Жду. Я знаю, что ты
меня не покинешь. Ко мне
подойдёшь. Образ твой в молчании
я сохраняю.

27. X. 1917

Цветы Мориц. Берлин. 1921.

28 октября 1917 г. Петроград.
Письмо А. А. Рылова к Н. К. Рериху

28/X.1917.

Дорогой Коля!

Это время я не мог увидаться с Метальниковым, чтобы поговорить о проекте. Я простудился, чихаю, кашляю, принимаю хинин, аспирин и пр., хотя дома не сижу и выхожу в Школу, хотя и с пропусками, из-за этой простуды с повышенной температурой и болью в спине я лишился энергии, чувствую вялость, и только пушечные, пулемётные и ружейные выстрелы заставляют встрепенуться нервы. Сергея Ивановича можно поймать только вечером, а я к этому времени раскисаю, он же живёт далеко, на Пантелеймонской ул., 4.

Когда на улицах было светло и когда у меня не болела грудь и спина, то эта улица находилась гораздо ближе. Простудился я не то в мастерской из-за отсутствия угля, не то в хлебных и др. хвостах (кухарка моя 3 недели не действовала из-за кошки, которую она хотела пнуть на лестнице, и вместо кошки пнула, что есть силы, каменную ступеньку).

Школа наша существует.

Один раз я не попал в Школу из-за электрической темноты, другой раз из-за разведения мостов старым Правительством, третий раз из-за бомбардировки эскадрой Центробалта Зимнего дворца.

В моём классе, в VI-м, поставлена чугунная печь, и я рад и доволен. А то было, натурщик капризничал, я неистовствовал.

Ученики сначала через своего неприятного председателя Борисова изводили Химону всякими заявлениями, но Николай Петрович отлично с ними ладит, спуску им не даёт и сделал их, как он говорит, шёлковыми. Они уже не требуют, а просят, не они, а Борисов, к сожалению, Борисов провалился на Академическом Экзамене. Ученики, конечно, не много, но всё-таки есть, и плата поступает, хотя и не обильная. Николай Петрович тебе напишет об этом подробнее. Ученики недовольны, почему нет Бобровского. Химона объяснил им. Затем такое заявление: они хотели бы учиться под твоим руководством натюрморту и вообще недовольны, что тебя нет. Словом, задают вопросы и получают ответы.

В VI-м классе у меня сначала было 11 человек, а потом они куда-то исчезли, осталось человека 3-4, которых Николай Петрович в моё отсутствие перевёл в VII-й класс из экономии на натуру и освещение. По-моему, правильно. Я думаю, что мои ученики перешли к Эберлингу, т. к. теперь у нас занятия совместные — двуполые, у Эберлинга привлекает женская модель, а от меня отвлекает капризный, зазнавшийся Хренов, натурщик, а кроме того, я сам стал вял и ленив из-за простуды и половинчатости Школы. Леню ужасно учить рисовать натурщика всё одного и того же, чувствую, что надоело. Если бы ты был здесь, и все преподаватели налицо, и учеников было бы много, то я опять увлёкся бы, и работа закипела бы.

Не очень я люблю заниматься в чужом классе, с учениками Бобровского. Своих-то, как надо, оболванить можно, и делаю это я уверенно, и с интересом слежу за успехами. В курилке пью чай по-прежнему, только вприкуску. По вечерам встречаюсь там с Вахрамеевым, Макаренкой, Плотниковым, Бухгольцем, и Дмоховским, и Химоной.

Завтра открывается выставка Общества Куинджи, я послал туда одну картину «Красный Яр», которую ты видел у меня на стене в мастерской. Во дворце Искусств открыли выставку Общинники с благосклонным участием И. Е. Репина с сыновьями «Гайдамаки».

Ну вот. Будь здоров. Поправляйся и приезжай.
Целую тебя.

Твой Аркаша

К Сергею Ивановичу схожу на днях...

Большевики завладели Зимним дворцом и, чтобы загладить свою вину, стараются приводить улицы в порядок и не позволяют хулиганам грабить обывателей. Обещают даже по фунту хлеба на человека. Трамваи всё время ходят, магазины все торгуют, много яблоков, а вечерних газет и пьяных на улицах не видать.

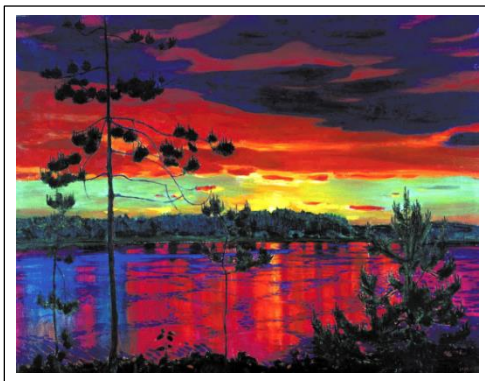
Ну, будет, пора спать.

А Р.

Всеропхуд — это В.О.П.Х. или Поощрение. Центробалт — совсем другое.

Р. С. Химона говорит, что ученики нашли на Дворцов[ой] площади растерзанный, с проколотыми глазами портрет Никол[ая] II-го в тужурке работы Серова и отнесли его в Музей Нерадовскому. Химона послал учеников взять эту находку от Нерадовского для нашего музея, но Нерадовский не даёт. А по моему, и пускай там он находится. Говорят, он сильно испорчен и реставрировать его нельзя.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк. Автограф письма.

А.Рылов. Красный Яр. 1917.

И.Е. Репин. Гайдамаки на Умани готовят оружие. 1898-1917.